

Литвинов Дмитрий

СТАРЫЕ ДОЛГИ

Книга 1

книжный цикл

ВЕТРА ПУСТОШИ

16+

Ветра Пустоши

Дмитрий Литвинов

**Ветра Пустоши. Книга
1. Старые долги**

«Автор»

2020

Литвинов Д.

Ветра Пустоши. Книга 1. Старые долги / Д. Литвинов —
«Автор», 2020 — (Ветра Пустоши)

Мир вокруг – это Пустошь, бескрайние ядовитые пески, продуваемые буйными ветрами, высушенные под раскаленным радиоактивным солнцем. Окружающий мир враждебен и жесток, даже природа восстала против человека – озоновый слой изношен, жестокий ультрафиолет выжигает все живое и Солнечные Бури длятся месяцами. В этом мире только самые смелые и отважные решатся пересечь Пустошь и провести караван с товаром и ресурсами для обмена и продажи. Ни ядовитые ветра Пустоши, ни аномальная активность солнца днем, ни хищные звери, поджидающие путников ночью, им не страшны. Изменилось все вокруг, планета и природа стали другими – не изменился только сам человек. Он все так же наивен, глуп, жаден и ненасытен.

© Литвинов Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Клятва.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Литвинов

Ветра Пустоши. Книга 1. Старые долги

Глава 1. Клятва.

*Утро новой эпохи,
Эпохи, которая могла не наступить никогда.
Однако же человек никогда не знал меры,
Не мог остановиться...
Удивительно живучая тварь...
Куда он идет?
Что его гонит?
Что подталкивает и что ждет за горизонтом?*

Караван.

«И повелел он солнцу всходить над праведными и неправедными...»

Откуда это вдруг всплыло в памяти? Да и так ли было сказано или это он сам придумал, домыслив из подслушанных или оброненных где-то фраз. Вожатый уже и сам не понимал, откуда в памяти всплыли эти слова, глядя на то, как над горизонтом поднимается ярко алый, раскаленный диск дневного светила. Как в ужасе бегут от него тени, удлиняясь и наливаясь густой чернотой, чтобы исчезнуть к полудню, вновь вернуться к вечеру, и снова погрузить во мрак все сушее.

Ну вот, опять эти диковинные слова в голову лезут...

Рассветный час. Тихо вокруг. Еще свирепый господин ветер не проснулся, не несет отравленные пески бесконечной Пустоши навстречу дерзким странникам, отважившимся пересечь ядовитые просторы к той точке, которая ждет их впереди, маячит в сознании людей вдали за горизонтом. Скоро, уже скоро он проснется, дыхнет в лицо горячим обжигающим потоком, сначала проверяя путников, как бы говоря им: «Дальше мои владения, поворачивайте назад!». Но потом, распаяясь к полудню сильнее и сильнее превратиться в сплошной мощный неиссякаемый поток горячего песка, стараясь сбить с ног и утащить одного за другим дерзких людейшек в свои владения вечного забвения.

Этот извечный и бесконечный каждодневный ритуал хорошо знаком вожатому, они старые знакомые и с ветром Пустоши, и с мрачными и уродливыми тенями, преследующими небольшой караван. Точка впереди ему хорошо знакома, вот уже несколько лет он водит торговые караваны к ней. Это ремесло и умение он унаследовал от отца, а тот в свою очередь от своего отца. Еще мальчишкой он с отцом отправлялся в эти гиблые земли вести торговцев, воинов и путников всех мастей к цели, туда, далеко за горизонт.

Таких как он, способных здесь ориентироваться и выживать, совсем немного, они элита, их работа хорошо оплачивается, они могут позволить себе иметь лучшее снаряжение, хорошее оружие, лучших женщин, из тех, которых можно купить в поселениях. Им доступно многое, но и на кону стоит все: их жизнь и жизнь членов семьи. Провел караван, нашел безопасный путь – ты молодец, заработал репутацию и приличную сумму. Сгинул караван, заплутал, погубил людей или припасы – ты должник; сгинул сам – за тебя расплатится семья.

– Сколько нам еще тащиться по этим проклятым пескам? – Голос сзади раздался резко и неожиданно, разом вырвав вожатого из неги раздумий, наваянных красками багрового рас-

света, блекнувшими ввысь от горизонта и выветриваемыми проснувшимся ветром. – Вода на исходе, жратва вообще завтра закончиться, какого хрена мы заложили такой крюк, прошлый раз Сам довел нас за неделю. Связались с долбаным молокососом, сэкономии, мля...

Говоривший, низкий узкоплечий мужчина с острыми, неприятными чертами лица, сплошь испещрённым шрамами и морщинами, явно был сильно не в духе.

Юноша, двадцати двух лет, прямой нос, тонкие губы, простое открытое лицо, светло-волосый, голубоглазый, среднего роста, отвернулся от дневного владыки Пустоши, который уже полностью вступил в свои права, наливаясь ослепительной желтизной над горизонтом и повернулся всем телом к говорившему. Внимательно, неспешно осмотрел его – Ворон, так называли его наемники из числа охраны каравана, которыми тот руководил. На вид ему было под сорок, но жизнь наемника полна опасностей и быстро его старит, возможно, ему было гораздо меньше лет. Холодные неприятные глаза, злоба и неприязнь читалась в них. Лицо-маска с двух недельной щетиной не выражающее никаких эмоций, платок повязка на голове с водруженными на нее панорамными очками, плотный длинный плащ с разгрузом поверх него, разбитые сапоги со сбитыми набок подошвами, выдавший виды АКМ в руках. Наемник уже давно собрался, ему явно не терпелось в дорогу, он устал и сильно нервничал, такого лучше не злить понапрасну. Своих четверых головорезов он держал жестко в кулаке, все как один безропотно ему подчинялись.

– Крюк был необходим. Дождей давно не было, солнце последние пять месяцев сильно выжаривало пески Пустоши и там, где еще полгода назад можно было безопасно пройти, сейчас гиблое место.

Холодный взгляд глаз наемника кольнул говорившего, зрачки сузились, уголки губ подались назад и вверх, оскал блеснул желтизной кривых зубов.

– Какого морока ты несешь, гребаное солнце все время палит гребаные пески и камни, а гребаные вожатые все время водят по ним караваны, и только ТЫ несешь чушь про гиблые места.

«Ты» он подчеркнул особенно сильно, вожатый ему не нравился, и он это не скрывал. Он не скрывал свою неприязнь к парню с самого момента формирования каравана в Артели Рудокопов и Добытчиков Полуночного Альянса старателей.

Парень спокойно выдержал на себе холодный взгляд наемника, а тот тем временем продолжал, уже шипя от злобы.

– Ты просто заблудился, но сказать это боишься, боишься, что тебя на ремни распустят мои парни, а кредиторы заявятся к тебе домой и выставят долговой счет к оплате твоей родне.

Хищная ухмылка стала еще шире, корпус подался вперед – зверь готов к решающему броску на загнанную жертву.

– Под местом, которое мы обогнули, пески Пустоши, погребли останки цивилизации прошлого, развязавшей последнюю войну и уничтожившей старый мир. Солнце выжаривает их, и это место наполняется ядовитыми газами и не только ими. Невидимого яда, называемого радиацией, в тех местах тоже становится больше, мы не сможем пересечь их даже на самых быстрых картах.

Хищная ухмылка зверя начала сползать с лица, превращаясь в тень.

– Нам еще повезло – ветер уносит яд в сторону восхода, иначе крюк пришлось бы делать больше. Это ведь Патрону приспичило отправить караван именно сейчас, в период Солнечной Бури.

Вожатый умолк и просто продолжал смотреть в холодную серость глаз перед ним.

– Лекс дело говорит, сейчас караваны никто не водит – не сезон. Тех, кто способен провести караван в период Солнечной Бури крайне мало, никакие приборы не работают, компасы тоже бесполезны. У таких людей редкое умение ориентироваться в этом песчаном аду без всего этого.

Говоривший, плотно сбитый седобородый мужчина, незаметно подошел к ним в пылу спора. Он был выше обоих споривших, одет в выгоревший на солнце черный плотный комбинезон со знаками отличия – нашивками на рукаве. Три широкие красные линии на предплечьях обозначали, что он был шеф-капитаном, а значит это он и его команда вели суда Пустоши – карты, доверху груженные ценным с грузом, через ядовитые пески.

– Лекс, все готово к отправлению, лагерь собран, люди стоят по местам, ветер крепнет, мы готовы ставить паруса.

Вожатый отвернулся от сероглазого, разговор с ним окончен, теперь его дело охрана каравана до следующей словесной перепалки. С этими наемниками всегда так, в Пустоше они всегда считают себя главными, способными диктовать свою волю остальным и навязывать свое мнение. Ребята, как правило, заносчивые и дерзкие, но без них самих и их услуг никак не обойтись. Любому каравану вне поселения или стана, за пределами охраняемых границ земель Полуночного Альянса или Закатного Станового Союза необходима вооруженная охрана, знающая свое дело и умеющая обращаться с оружием. Ресурсы, которые перевозят караваны, крайне ценны и скудны, а потому представляют огромную ценность для дикарей, которые не умеют их сами добывать. Хотя и для соседей они тоже ценны – зачем платить за них деньги, если можно просто присвоить или отнять.

В общем, наем охраны обязательное условие, если хочешь чтобы караван безопасно дошел, товар продан, и прибыль приятно оттянула карман. Примерно так наемник и думает, поэтому и заносит его всегда и постоянно, поэтому и мнит он себя главным в караване – ведь у него оружие, а значит и власть.

– Хорошо шеф Анд сен Ивер, начинайте ставить паруса, восход был кроваво красный, сегодня будет сильный ветер, нам это на руку, сможем пройти почти вдвое большее расстояние, чем за вчера, и к вечеру должны добраться, наконец, до Атоллы.

Лицо шефа тронула едва заметная улыбка, старику понравился такой расклад, долгая двухнедельная дорога измотала даже его. Его, привыкшего к бескрайним пескам, опаленным радиоактивным солнцем и гонимым ветром Пустоши; его, любящего свое ремесло, сильно утомил этот переход. Переход в период Солнечной Бури, когда солнечная активность особенно сильная, сопровождаемая сильными магнитными выбросами и повышенной солнечной радиоактивностью, мог осилить только опытный шеф-капитан с опытной и слаженной командой.

Ветер действительно усиливался, наливаясь мощью, свистел и гнал пески туда, откуда час назад в Пустошь пришло солнце.

Шеф-капитан, развернулся и направился к трем стоявшим неподалеку картам, на ходу надевая плотный брезентовый шлем и опуская панорамные очки на глаза, он подозвал своего мастер-помощника с одной широкой и одной узкой красной нашивками на предплечьях комбинезона, и принялся раздавать ему распоряжения.

Карты – основное средство передвижения через Пустошь, представляют собой симбиоз довоенного автомобиля и корабля. Шасси, как правило, – большие широкие колеса с мощным протектором, на рессорной раме. К этой раме крепятся мачты с парусами, их количество зависит от тоннажности и грузоподъемности самого карта. По периметру карты закрываются щитами из дерева или жестианого железа, добытого и снятого с автомобилями погибшей эпохи.

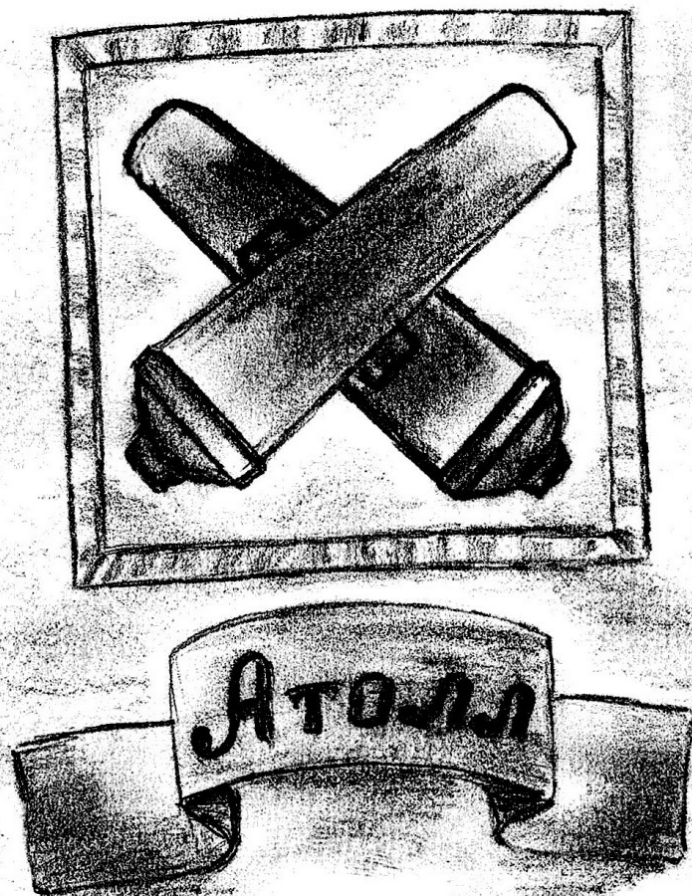
В новом и жестоком мире торговля была единственным двигателем жизни и тонким связующим мостиком между разбросанными далеко друг от друга поселениями. Ни одно из них не могло похвастаться полной автономностью и самодостаточностью. В разных местах существовали и были развиты разные ремесла, производились разные товары и сырье, добывались различные ископаемые, но спрос среди соседей на излишки или отсутствующее у них товары и сырье, вынудил выживших людей начать торговать, образовав новые профессии и целые классы специалистов способных перевезти эти товары караваном через Пустошь.

Наблюдая за точными и слаженными действиями команды, Лекс повязал вокруг головы платок, надел на лицо респиратор и опустил на глаза панорамные плексигласовые, слегка затемненные очки. Люди тянули канаты, вращали маховики лебедок, в одной, только им известной, последовательности и на мачтах, как по волшебству, выросли косые треугольные перья парусов, которые тотчас наливались свежим ветром. Юноша подобрал с песка, поросшего редкой жесткой травой, лежащие рядом вещи и карабин. Извлек трехзарядный магазин, отщелкнул назад болтовой затвор, убедился в плавности его скольжения, песка нет, смазки хватает, вернул затвор обратно, присоединил магазин с патронами. Оставшись довольным осмотром оружия, он бодро запрыгнул в кабину головного карта, занял место рядом с шеф-капитаном и указал ему направление движения каравана.

Удостоверившись в полной готовности, шеф-капитан дал команду к отправлению. Все заняли свои места – команда по номерам-предписаний выполняемых обязанностей. Вооруженные автоматами наемники, распределились между картами: двое наемников заняли места в головном карте, Ворон разместился в центральном карте, и еще двое наемников разместились в замыкающем.

Рулевой опустил вниз огромный тормозной рычаг и, выворачивая рулевое колесо, начал выводить головной карт на курс. Остальные два карта, цепляясь за крепнущий ветер перьями-крыльями и перемалывая горячий песок своими шестью огромными бочкообразными колесами с причудливыми переливами протекторов, вырулили вслед головному.

Старые друзья.

Шаги, торопливые по деревянному полу, оббитому листами жести, глухие металлические нотки. Тух-тух-день, тух-тух-день, странный ритм... розовое марево вокруг, озорные черные точки устроили хоровод, мечутся вверх, вниз, в стороны, пытаясь подстроиться под диковинный ритм – тух-тух-день. Шаги приближаются. Смолкли. Стук в деревянную дверь, тоненький дребезжащий, дверь совсем хлипкая, тонкая.

Зараза, как не хочется открывать глаза. Открыл, розовое марево, и озорные точки разом исчезли, начали проступать из марева очертания комнаты. Стол, комод, шкаф в углу, стул с одеждой валяется на полу. Одежда небрежно сверху на нем, как будто стул это остров, а пол это зыбучие пески Диких Земель. И вот брюки, рубаша и юбка обреченно карабкаются на этот стул-остров в поисках спасения.

Стоп. Какая юбка?

Тук-тук-тук.

– Прошу прощения за беспокойство, но за вами Воевода послал, просил как можно скорее...

Голос тоненький, дрожит, волнуется, боится, стряслось что-то?

Шевеление слева, одеяло куда-то начало сваливать, ожило что ли?

Легкий аромат пряного масла и лаванды лизнул ноздри, в животе сразу заурчало.

– Ты бы собирался лучше, чем на меня пялиться, за ночь не налюбовался?

Зараза, солнце из окна слепит не разглядеть кто там. Черные кудри волос спадают на плечи. Голая спина, ребра под кожей проступают, руки одеяло к груди жмут. Вместо лица яркие лучи солнца, страшная или нет, не разобрать.

– Воевода ждать не любит, осерчает – так в миг на следующую ночь в зиндан, юродивыми любоваться определит.

Да уж, с него станет, определит, это он может. Только какой ему прок в этом? Сам ведь разыскивал, звал, говорил дело важное. А ты тут торчишь уже вторую неделю, киснешь от безделья, все деньги на выпивку и вот на эту безликую спустил.

Пока мысли катились вперед, прикидывая да вспоминая, отыскались плотные защитные штаны, рубаха, поверх них легла плотная куртка, хитрая особая такая, с кучей пришитых петель и карманов разных – так удобнее и сподручнее бой вести да снаряжение размещать. Перчатки, вот морок, где перчатки?

Последнее дело принесло хороший барыш, что позволило расслабиться и осесть на весь период Солнечной Бури, будь она не ладна, в Ирбинь стане Закатного Станового Союза. Сам Становой его принимал как дорогого и почетного гостя. Еще бы, он для них так расстарался, целую банду налетчиков в шесть голов выследил и упокоил в Пустоши.

Так ботинки нашлись, легкий нож в них отправил, большой охотничий тесак на пояс. Да арги тебя забери, где перчатки?

Но не судилось спокойно отсидеться, приехали двое, на карте, от Воеводы Атоллы, говорят, вот, мол, так и так – просят срочно бросить все дела и прибыть по его велению, дело срочное и безотлагательное. Приехал, жду, пью, Воеводу не видел, а как же дело безотлагательное? А сегодняшняя суета с утра к чему, не уж-то все же дело?

Ааа, нашлись перчатки, под кроватью. Поднялся, выпрямился, солнце заслонило – не страшная, фух, пронесло!

За дверью ждал посыльный, сопливый пацан лет десяти, весь в оспинах и угрях, одно плечо выше другого, горбатый, ногу подволакивает. Признаков явной мутации и заболеваний нет, поэтому и оставили, не изгнали из поселения, хотя повезло ли ему от этого трудно сказать, все равно у него будущего нет, такому никакой отец свое ремесло передавать не станет, наследником и учеником не назовет. Вот так и будет всю жизнь на побегушках с поручениями бегать да ночные горшки выносить, пайку ковыльного хлеба зарабатывать.

Прошли через задний ход трактира, и вышли в город. А жизнь в городе кипела во всю, торговля шла оживленная. Торговцы лавки свои давно открыли. На улице народу полно, шли, протискиваясь, в чужом шуме и гаме утопая. За карманами присматривать нужно, вон уже пацанята в обносках и рванине шустрят, зазевавшихся ротозеев высматривая. Народ снует кто куда, очередь к верителю – нотариусу значит, стоит, сделки заключать собрались – с договорами и расписками, все чин почину. Эти торговцы серьезные и суммы там крутятся немалые, вон и охрана у них своя – крепкие ребята в плащах, нашивки на плечах – два скрещенных копья, сверху щит золотого цвета, красные обветренные лица, лифчики разгрузки на груди, АКМы на ремнях у живота – наемники.

Так, а здесь у нас, что за толпа собралась? Через голову белобрысого заглянул, понятно – катала, шар под чашками катает. Напротив терпила стоит, руки к груди жмет, глаза бегают, волнуется – влип ты код, телок безмозглый, разденут тебя и разуют сейчас, а начнешь ерепениться нож под ребро получишь. И что вам так всем дармовщины и денег легких хочется?

Где-то рядом мелодия грустная тягучая стелется, голос ровный с хрипотцой повествует о чем-то. Туда подошел. Толпа слепого старца окружила, старец на бандуре струны перебирает;

узловатые кривые пальцы тонкой, как пергамент кожей, обтянуты. Рядом поводырь его стоит – мальчишка совсем, лицо наростами изуродованное. Толпа замерла, слушают внимательно. Сам к песне прислушался – повесть о страшном времени, когда огонь последней войны поглотил все живое на планете, изменив ее облик до неузнаваемости. Задумался, голову опустил – много раз раньше уже доводилось слышать такие сказания и былины, и каждый раз, как первый раз снова за душу берет.

Песнь повествовала о том, что на исходе последней глобальной войны человечества, когда массово было применено самое смертоносное оружие, в этом месте воды поднявшегося океана пришли с юга и затопили землю до самых гор на севере и до предгорья на востоке. Позже воды отступили, но песок принесенный океаном осел и похоронил под собой города той цивилизации. Современный мир – это Пустошь. Ядовитая земля, покрытая песками, отравленная радиацией и продуктами разложения и отходами предыдущей цивилизации, сгоревшей в огне мировой войны и уничтожившей большую часть населения планеты и практически все плодородные почвы, и чистые водоемы.

Ладно, хватит вздыхать, дальше идти нужно.

Ого, смотри ка, это ж кто такую красоту продает? Старый боров на табуретке сидит, куртка в заплатках вся, но зато кожаная, когда-то стоила немалых денег, это тебе не плотное робище кочевника и проходимца, из сурной травы сотканное.

– Девку что ли продаешь? Сколько просишь?

Взглядом смерил, нос задрал. Конечно, сам знаю, что выгляжу хуже копателя неделю кайла из рук не выпускавшего. А ты думаешь, не так было, думаешь две недели попоек даром прошли? На одежду-то тогда глянь, нашивку на плече видишь меч и секира, скрещенные на красном фоне, кто перед тобой? Правильно – наемник, да не абы какой, а элита, воин – мля!

– Ты, наймит, проходи лучше, коль дела серьезного не имеешь и в карманах ветер носишь. А на девку права имею, ее в уплату долга родня отдала.

Вот арги побери, куда пацан провожатый делся, потерял его из виду, пока с тобой любезничал. А, вон, увидел – рукой машет. Знаю я ваше – «за долги родня отдала», сам деньги ссулил, сам же аспид, наемников подослал, и караван до поселения не дошел. Вот морок, все настроение испортил, где этот пацан, хватит видами любоваться, пошли к Воеводе.

Воевода – статный некогда мужчина, сейчас сильно начавший раздаваться вширь, стоял у окна, заведя руки за спину, и наблюдал за работой бригады кровельщиков-ветровиков.

Построен Атолл был в виде овала в сечении, не идеального конечно. По кругу обнесен шестиметровой стеной, сложенной из камней, железобетонных плит и прочих осколков канувшей в преисподней цивилизации прошлого. В середине эти блоки и камни были связаны между собой арматурой и засыпаны грунтом и песком, в ширину стена была добрых два метра. Имелись на ней вынесенные вперед осадные башни и боевые галереи, так же были оборудованы бойницы, прикрытые от попадания осколков сверху. Основные ворота выходили на полночь, и перекрывались по фронту еще одной стеной, но немного меньших размеров, чем основная стена. Оба окончания прикрывающей стены оканчивались воротами, тоже меньше основных, но достаточными, чтобы в них мог въехать самый большой, из используемых в Пустоше, четырехосный карт. Эти ворота выходили, соответственно, на восход и закат, а в образовавшемся коридоре размещались прибывшие карты, там же они разгружались, там их и грузили к отправке. А в случае штурма этот коридор и дополнительная стена прикрывали самое уязвимое место Атолла – главные ворота.

Полуденное направление было прикрыто глухой хорошо укрепленной стеной, как показала недавняя история, это было верное фортификационное решение. Тринадцать лет назад, выжившие, организовавшие поселения люди, развязали между собой большую войну за ресурсы и контроль над торговыми путями. Война быстро переросла в бойню все против всех,

каждому хотелось урвать кусок пожирнее. Атолл уже тогда был богаче и мощнее всех остальных, наняв прекрасно вооруженных и подготовленных воинов, он готов был легко прибрать к рукам все что плохо лежит, после того как остальные ослабнут и измотают друг друга войной. Но в дело вступил его господин случай, когда, казалось бы, уже все было предрешено, появились они – Демоны Пустоши – кочевники. Пришли они под покровом ночи из глубины самой Пустоши, с полуденного направления. Передвигались демоны на картах без парусов, рычащих как дикие звери и испускающих смрад и черный дым. Их карты были очень быстрые и маневренные. Тогда они разграбили и сожгли много поселений, убили и угнали в рабство множество людей. Атолл был у них на пути, ему досталось больше всех, но город устоял тогда, правда, слишком высокую цену пришлось заплатить. Именно после этого набега распри между всеми выжившими были прекращены и они начали объединяться в альянсы и союзы. Очертили границы своих владений, дали клятву прийти на помощь в случае повторного набега. Так на полуночи у бесконечной горной гряды с потухшими вулканами, появилось новое образование – Полуночный Альянс, вобравшее в себя четыре больших поселения. На закате – Закатный Становой Союз, в это объединение вошли разрозненные и разбросанные по бескрайним просторам между солеными озерами, большие и не очень станы.

Тогда, много лет назад, при штурме, стены города устояли, после этого их укрепили еще основательнее. Со времени своего основания Атолл перестраивался и разрастался много раз, пока не занял сегодняшние границы. Место выбрано неслучайно, когда началась торговля ресурсами между поселениями выживших, торговые караваны стали часто останавливаться у плеяды самых крупных копалень угля и торфа. Огородив для безопасности место стоянки, образовался Атолл, который со временем стал расти и крепнуть. Расти поселению далеко вширь, не позволяла сама госпожа Пустошь, поэтому, когда все было застроено и обжито зданиями первого яруса, на нем начал расти второй ярус и так далее. Сейчас Атолл это пять ярусов зданий и сооружений, верхние три находятся выше уровня защитной стены, а потому менее безопасны как во время воинственных набегов, так и во время повседневной жизни. Верхние ярусы интенсивно продуваются ядовитыми ветрами Пустоши, поэтому самые богатые и зажиточные занимают первые два яруса, те, кто беднее, ютятся сверху.

Со временем Совет – городские правители Атолла, скопив достаточные богатства, озаботились чистотой следующих поколений горожан. Чтобы в городе было меньше уродов и мутантов, сначала его очистили от них самих, изгнав на восход в необитаемые, загрязненные радиацией, Дикие Земли. Потом принялись за капитальную перепланировку и улучшение верхних ярусов. Ветровые стены укреплялись и герметизировались, конопатились все швы. Здания верхних ярусов обзавелись вытяжной и приточной вентиляцией. В приточной вентиляции начали применять угольные фильтры. Чтобы минимизировать выпадение ядовитых и радиоактивных пылевых осадков на территории города, на крышах верхнего яруса, с учетом розы ветров, распланировали и установили ветроотсекатели, уловители и отбойники. Задача этих конструкций состояла в перенаправлении ветровых масс и создании зон завихрения, так чтобы зона покоя, подветренная сторона, была обращена к Атоллу, а активная, наветренная часть выдувала ядовитые пески обратно в Пустошь.

По истечению определенного времени крыши, и щиты нужно было ремонтировать и менять, именно этим сейчас и занималась наверху бригада кровельщиков-ветровиков, за которыми наблюдал Воевода. Хотя сам процесс починки крыш ему был знаком и неинтересен, таким образом, он пытался отвлечь себя от мрачных назойливых мыслей, что гадами ползучими проникали к нему в голову, жалили изнутри и парализовали волю и рассудок. Некогда лихой воин сорвиголова, человек действия, человек, чья стальная воля поднимала людей под пули кочевников, сейчас стоял у окна рабочего кабинета и боролся с собственными мыслями, уверяя себя, что все будет хорошо. Как девка сопливая, которую обманом завлекли на сеновал. От такого само сравнения Воеводу перекоробило, лицо скривила гримаса отвращения, отчего

уродливый шрам, рассекающий все лицо слева ото лба до подбородка, налился багровым цветом. Единственный, оставшийся глаз, вспыхнул и налился злобой.

Шаги по коридору вырвали его из колец парализующих гадюк и вернули в реальность. Судя по дробу, отбиваемой звуком шагов, по коридору шли двое. В дверь постучали и, не дожидаясь приглашения, она отворилась, на пороге стоял личный охранник Воеводы. Костюм сидел как влитой на рослом богатыре, пояс с подсумками, плитник, короткий автомат висит вдоль туловища на ремне справа.

– Он здесь, Воевода Верд сен Вер.

Произнес детина и отступил в сторону, оставшись при этом в коридоре.

– Отлично, мы еще повоюем!

Жизнеутверждающе в полголоса, ни к кому не обращаясь, произнес Воевода.

В комнату вошел человек среднего роста, плотного телосложения, на вид за тридцать. Одежда: военные ботинки, перчатки, штаны и куртка из плотной защитной ткани, подогнаны по фигуре. На куртке множество пришитых лямок и карманов, из оружия только большой нож на поясе, но наверняка есть еще, так не видно, а значит грамотно спрятано. Рукав куртки гостя украшает нашивка воина – скрещенные меч и секира на красном фоне. Нашивка на зеленом фоне обозначает воина новичка. Нашивку на красном фоне носят опытные воины, прошедшие крещение огнем, убившие врага, или участвовавшие в пяти боестолкновениях. Разрешение на смену цветов нашивок дает совет воинов поселения или Воевода. Это элита воинства, профессиональные военные, имеющие боевой опыт высокую квалификацию и умения в военном ремесле, Хорошо вооружены и экипированы. Их услуги стоят дорого. Никогда не возьмутся за грязную и сомнительную работу, потому как решением суда общины или поселения могут быть изгнаны из касты и перейти в низшую касту обычных наемников, со всеми вытекающими.

Вошедший крепыш криво улыбается, можно сказать в наглую лыбится... Воеводе!

Как только за вошедшим закрылась дверь, и они остались наедине, губы Воеводы тоже растянулись в добродушной улыбке. Все заботы, одолевавшие его все утро, выветрились, стерлись этой наглой улыбкой темноглазого. Вот теперь точно все будет хорошо.

Широко разведя руки в стороны, Воевода шагнул к воину.

– Ну, здоров морок старый, долго же не виделись, долго же тебя искать пришлось, арги тебя побори!

Старые боевые друзья крепко обнялись.

– Шесть лет. Шесть лет все повода не случилось увидеться, старый друг. Но раз я здесь и ты меня разыскал во время Солнечной Бури, значит, не бражничать звал.

Воевода печально вздохнул. Показал другу рукой на стул у стола, сам сел на свое рабочее место по другую сторону стола.

– Игер ты как всегда – с карта да в пекло. За две недели браги не напился, да бока не отлежал, что ли?

Хитро сверкнул единственным глазом Воевода.

Воин скривился как от зубной боли, припомнилось что-то.

– Все так, и самогон у вас знатный, и кровати мягко стелют, да выбивают старательно, вшей да клопов почти нет, только цены больно кусаются. Я за эти две недели спустил столько, что у станичников месяца три бы жил.

Воевода театрально вздохнул.

– Что поделат брат, это Атолл, а не станица какая отсталая на отшибе, в аспидовой дыре. Да и ты человек небедный, счет в Банке Атолла, поди, так и держишь, на черный день бережешь деньжата?

– Этот счет оплачен сполна, старина, кому как не тебе знать что контузия, простреленное легкое, три пули в ноге, сломанная рука и шрапнель в спине стоят никак не меньше!

– Да не заводись Игер, не то я хотел сказать, друг...

– Да, тогда всем крепко досталось, эти Демоны Пустоши нас тогда практически с песками этими сровняли, да какие они к аспиду, демоны, такие же люди, та же кровь из них течет. Если бы ты тогда после подрыва стены, не собрал оставшихся бойцов, не укрепился на восточной стороне базарной площади, возле бреша, вырезали бы они остатки гарнизона, а там и ремесленникам, торговцам и шахтарям с их семьями край бы пришел. Это благодаря тебе я тогда посеченный в фарш кровавый, но живой остался. Вот так, счет оплатил и со службой завязал, кому такой калека в наём нужен, какой из инвалида воин?

– Нашивку нашу ты носишь, а значит ты все еще воин, один из нас. А что касается навыков твоих боевых, Игер, я тебе так скажу – я тебе одному десяток таких молодцов, вроде того что за дверью стоит, предпочту.

– Нашивка моя – это честь моя, в бою добытая, только я теперь не Игер. Теперь я наемник Ящер.

Повисла гнетущая тишина. Ящер внимательно следил за другом. А ведь старик нервничает, прикидывает что-то, не знает, как подойти к делу, да что же такое стряслось, что у него на уме?

– Ты сам о долге вспомнил, и про клятву данную, долг вернуть в любое время, любым способом, как только я потребую.

Воевода посмотрел в глаза наемнику, пристально посмотрел, в самую глубину, хотел убедиться, что старая клятва, на крови данная, еще в силе и человек, называющий себя теперь Ящер, помнит о ней. Темные глаза оставались непроницаемы.

– О клятве я помню и слово, данное тогда, намерен сдержать, оттого и прибыл сразу по твоему зову, оттого и сижу сейчас здесь перед тобой.

Старик облегченно выдохнул. Потом собравшись, заговорил.

– Два года назад, перед самой Солнечной Бурей, вырезали наших людей – сборщиков. Пятнадцать человек: бабы, да подростки. Они за стеной в Пустоше ковыль да сурную траву, что были застогованы, собирали. С ними был, как водиться один охранник с автоматом, из наемников. Когда их нашли, при нем весь боекомплект целый был, он даже не отстреливался. О чем это говорит?

– Быстрая, неожиданная атака, его первым и положили.

Старик кивнул и продолжил.

– Так и было, из него пулю вытащили 7,62 винтовочную, точно в сердце была. А дальше вообще, какая-то жуть. Характер большинства ранений – рваные раны, выдранные куски плоти, причем точно в местах расположения артерий или жизненно важных органов. Но было и несколько человек с ножевыми ранами, причем били не хаотично, а точно поставленными ударами, наверняка. В Атолле тогда такой переполох случился, слухи разные быстро поползли. Сначала все перепугались, что Демоны Пустоши вернулись, потом начали говорить, что это какой-то особый мутант в округе завелся. Только не вяжется это все до кучи – точный выстрел из винтовки, ножевые ранения и звериные укусы.

– Может укусы песчаные волки – арги, оставили, на уже мертвых людях. Пришли попить на свежину, пока вы их не хватились?

– В том то и штука, раны были нанесены еще живым, убегающим людям, и именно они были причиной смерти. – Воевода прокашлялся. – Слушай дальше. Тогда это происшествие нам сильно экономику просадило, многие караваны пошли в обход, не желая рисковать, пока у нас такая жуть творится у стен. Мы тогда несколько поисковых групп зачистки снарядили, но никого и ничего не нашли. Отстрелили с десятков аргов в округе и все.

Воевода встал, подошел в добротному деревянному буфету, отворил его, достал бутылку глиняный и две большие кружки, поставил на стол разлил по кружкам. Нос Ящера уловил кисло-сладкий хлебный резкий запах с нотками брожения – квас.

– Нагрелся уже, но посылать за погробным квасом не резон, не до него сейчас.

Выпили, крякнули. Теплый квас гадость редкая. Налили еще.

– В прошлом году, тоже во время Солнечной Бури, отправили мы карт за рудой к копальне рудокопов, которая в одном дне пути на восход от нас. С рудой что тогда, что сейчас напряг большой, а на нее заказы были большие, по долговым векселям уже распродали на год вперед. На третий день вернулся наш карт, но без руды и, ни на ком лица нет, даже бывалые наемники двух слов сказать толком не могут, чтобы объяснить что случилось. С горем пополам выяснили – всех копателей там тоже вырезали, да не просто так, а со зверствами особыми, я тебе все пересказывать не стану, что там увидели, но и рваные раны и резанные и много что похуже там тоже было в избытке. Одно существенное отличие в том нападении было. Копальщики ведь станом вокруг копани живут – семьями, с бабами, детьми и стариками. Так вот на месте обнаружили только трупы мужчин да стариков, понимаешь, женщины с детьми как в Пустоше растворились.

Воевода паузу сделал, вздохнул тяжело, потом продолжил.

– Но руда-то нужна все равно, а эти вернуться за рудой наотрез отказались. Наняли мы две другие команды картор-караванеров, наемников тоже с запасом, рудокопов, чтобы руду из шахты вынести и отправили еще два карта. Вернулись они с рудой, но главное – через время у всех кто был и первой команде, и во второй начали проявляться признаки лучевой болезни. Только те, которые первыми были, оклемались, подлечили их, а из состава второй экспедиции только наемники практически живыми и остались, потому, как в шахту не лезли. Мы после Солнечной Бури туда еще карт отправили, проверили там фон счетчиком Гейгера, а он прилично зашкаливает, все – та копальня закрыта. Что думаешь?

Ящер медленно отпил из кружки, опустил на стол. Глядя на столешницу перед собой, слегка прищурился. Бред какой-то.

– Почерк убийств, судя по всему тот же, только те, кто это сделал в раж вошли, осмелели, силу над безвольными жертвами почувствовали, вот и пережестили. А баб может в рабство угнали или в гаремы.

От этих слов наемника Воевода непроизвольно дернулся, посмотрел на Ящера, тот по-прежнему сидел глядя на столешницу. Что это со стариком, как за живой нерв его зацепило? Станный он сегодня, какой-то.

– Источник радиации. Так может в копальне раскопали чего сами, может неразорвавшуюся боеголовку послевоенную старую, например. Кто знает, может ее нашли накануне налета на копальню и еще не получили к тому моменту большой дозы. Если так, то налетчики сами дозу отхватили не слабую, плюс доза от солнечной радиации, они, ведь наверняка, по песку туда добирались во время бури, значит, скорее всего, их уже тоже в живых нет – померли.

Так вот зачем ты меня позвал, наемник начинал догадываться. Оба налета произошли в период Солнечной Бури. Сейчас буря тоже в разгаре, неужели старик чего-то ждет, или это что-то уже случилось?

– Как ты понимаешь, закрытая во время дефицита копальня никак не способствует росту материального благосостояния и процветания Атолла. Это сильно бьет всем по карману, заемщики и кредиторы вообще беснуются, торговцы вешаться начали, выплаты по долговым распискам копятся, сроки подходят, а руды практически нет. Нет на складах, нет на рынке, у нас кузня и плавильня скоро останутся.

Вот заливает, из-за одной закрывшейся копальни у вас экономика рухнула! Я хоть и воин, хоть и контуженный, и то немного понимаю, как экономика Атолла устроена. Сначала высосать все из близ лежащих копален, выбрать все подчистую, свои запасы при этом сохранить. Копальни Атолла даже сейчас законсервированы, я две недели в городе, видел и слышал достаточно. Да, мелкие торговцы действительно страдают от обозленных кредиторов, горожане недовольны, ворчат, но все равно не сильно похожи на изговосхов, последнего морока без соли доедающих. Даже если завтра все разом соседние копальни закрыть вы еще не одно десятиле-

тие на собственных копальнях протяните. Не этого вы боитесь, а того что низы уже шепчутся в группы сбиваясь, того и гляди волна недовольства расти начнет и выплеснется наружу, забурлит. А там известно что – революция, смена шила на мыло, новые крохоборы власть возьмут, и начнет новая метла по старому месту. Только вы уже об этом не узнаете.

– Раз ты меня у морока на куличках разыскал и денег не пожалел, но при этом две недели бока позволил отлеживать, стало быть и в этот раз чего-то ждешь. Или предупредить хочешь, угадал?

Воевода встал из-за стола, смерил наемника взглядом сверху вниз, подошел к окну, снова встал перед ним, как прежде, руки за спину завел. Кровельщиков уже не было, обед. Не потерял хватку. Соображает, а не вид делает, этот должен докопаться, должен узнать, что за всем этим стоит. И будет копать до тех самых пор, или пока не сдохнет, ибо клятву давал и слову своему верен остался.

– Ты правильно все понял, но обстоятельства быстро поменялись. Тебя оказалось не так просто отыскать, тем более, ты, как оказалось, теперь другим именем называешься. Пока искали, все круто поменялось. Ты сына моего Верса помнишь?

– Конечно, помню, в прошлую нашу встречу ему пятнадцать было, но уже тогда видел – удалой воин из него выйдет, лихой и смелый как его отец.

– Дурак упрямый из него вышел. Вызвался поперек моего решения с караваном за рудой идти к копальне, что тоже на восходе в сторону Диких Земель расположена, сразу за той, закрытой. После прошлогодних событий во время бури все наотрез отказываются за рудой ходить. Но деньги убеждать умеют любого, собрали мы команду на два карта, но наемники заартачились, им даже деньги побоку, а силой с ними говорить так можно и до беды договориться. Верс вызвался со своим квадром (четверкой) в охране идти. Вот ведь упрямый, характером весь в меня, если что надумал, в жизни не свернет и разубедить такого нельзя.

Старик шумно выдохнул, отвернулся от окна, неспешно подошел к столу, взял кружку с квасом, заглянул внутрь, пить не стал, передумал, на место поставил. Постоял немного, вернулся к своему стулу, сел. Ящер терпеливо ждал, уже понимая, что легко, данную клятву, исполнить не получится. Предчувствие тревоги и беды начало просыпаться, подниматься из глубины, а вот это уже верный признак, быть большой беде, большой крови или драке насмерть.

– Я надеялся, что ко времени отправления каравана тебя удастся найти, и ты с ним отправишься, но опоздал. До той копальни два, максимум три дня пути, от ветра зависит, и столько же назад. Ушли они на двух картах – один малый двухосный и средний трехосный. Стало быть, вынести руду и загрузить карты займет три-четыре дня от силы, ну еще пару дней на отдых и восстановление после предыдущего перехода. Максимум в пару недель должны были управиться. Караван вышел за пять дней до твоего появления в городе. Вернуться должны были еще неделю назад, вот такой значит расклад. Сразу за тобой не посылал, думал, со дня на день объявятся, но теперь понятно, ждать дальше без толку.

Воевода пристально посмотрел на Игера.

– Ты хочешь, чтобы я на поиски отправился? Приказывай командир!

Съерничал наемник, прекрасно понимая, что поисками дело не ограничиться, клятва на крови будет исполнена. Он задолжал Верд сен Веру и тот спросит с него по полной, до крупницы, до последней капли крови долг выберет. Воевода на ёрничество никак не отреагировал.

– В деньгах и людях нужды испытывать ты не будешь, золота дам сколько нужно, воинов, еду, воду, медикаменты, даже карт дам, только ты сам должен найти команду картгор-караванеров, подыскать шеф-капитана, а главное, найти вожатого, который вас проведет.

Ящер от удивления аж рот открыл. Не щедроты Воеводы на деньги и снаряжение его удивили, а задача найти и уговорить идти туда тех, кого в городе либо уже нет, либо кто под страхом смерти из города в Пустошь не выйдет. За минувшие две недели он успел не только опустошить бражный отдел погребка трактира, но и уже был наслышан, из недовольных речей

постояльцев, про сложившуюся непростую ситуацию в сфере организации караванного промысла. После прошлогоднего случая караванеры предпочитали пережить Солнечную Бурю где угодно, но только не в Атолле, опытных не было вообще. Опытных вожатых тоже не было, да и самых захудалых было не много, на работу соглашались только те, кого в обычное время к каравану даже на выстрел не подпускали, либо полные раздолбаи, либо люди без репутации. Выручало их только то, что в период бури из Атолла караваны далеко не ходили, а ходили они к двум близлежащим копальням, дорогу к которым мог найти и самый низкопробный вожатый. Одна из них находилась на расстоянии дневного перехода и ее закрыли год назад, вторая в двух днях пути, в которую и убыл караван с сыном Воеводы. Обе эти копальни находились в направлении на восход, а за ними уже начинались Дикие Земли. Те копальни, что были к полудню от Атолла, находились либо значительно дальше, либо были уже практически выработаны, и в период бури никто туда идти бы не рискнул, даже, несмотря на то, что, идя в том направлении, на ночевку, можно было останавливаться в разбросанных между Атоллом и копальнями небольших хуторах.

– Это еще не все, ты ДОЛЖЕН обязательно выяснить, кто или что за всем этим стоит. За этими... Нападениями. Кто это организовал, с какой целью, кто исполнители.

– А потом я всех должен буду устранить.

Тихо себе под нос сказал наемник.

– Что?

– Говорю что с задачей номер два мне все ясно, вопросов нет. А вот решение задачи номер один куда сложнее. Пока я был в городе, провел рекогносцировку на местности, так сказать, и знаю, что расквартированы сейчас в Атолле не более одной команды картор-караванеров, да и тех из запоя нужно выводить. Опытных шеф-капитанов нет вообще, как нет и вожатых, вообще никаких. Последний, по всему виду, и повел караван твоего сына. Тот, с которым я приехал от Станового, не в счет, он под грибами все время, я с таким людей не поведу, да и сам больше не поеду.

– Если бы все было так легко, ты думаешь, я звал бы тебя. Их нет, потому что никто не искал. Отсутствие их проспектных карточек на доске найма, еще не говорит о том, что в городе нет шеф-капитанов или вожатых. Не узнаю я тебя Игер, ходишь, слухи собираешь, как бабка базарная, раскис, размяк что ли?

Воевода взглянул с вызовом исподлобья на наемника. Тот поежился, неприятно, за живое задел, самолюбие его затронул, теперь точно из-под земли достанет и караванеров и шеф-капитана и вожатого.

– Сколько времени на сборы отпускаешь?

Сухо поинтересовался тот.

– Пару дней не больше. Времени и так уже потеряли много, теперь каждый час на счету.

– Хорошо, тогда дай распоряжение готовить двухосевой карт к выходу, снарядить его всем необходимым, как для рейдового выхода: полевая аптечка, аптечка обязательно, добавочный боекомплект, РПК, еда, вода, ну сам же говорил. И еще, пять бойцов пусть будут в состоянии постоянной готовности выдвинуться по первому распоряжению, полный боезапас при себе у каждого, автоматы у всех, бронезащита обязательно. Про фонари не забудь, жировые, керосиновые и электрические, если найдутся такие.

Воевода не перебивал, слушал внимательно, пометил все на листок, чтобы ничего не упустить.

– И еще, бумагу мне верительную справь с твоей печатью, широту моих полномочий в городе подтверждающую. Чтобы на каждом углу, каждому попке не объяснять, кто я и чем занимаюсь.

Как только за наемником закрылась дверь, Воевода откинулся на спинку стула. Что это только что было, он что-то знает о Бархессе, или просто совпадение? В любом случае, нужно

быть осторожнее с этим наемником, кто знает, чьи интересы он преследует сейчас. Шесть лет не виделись, а это срок не малый, человек и за меньшее время поменяться способен, а продаться за золото – это вообще дело нескольких минут. Так бывает в жизни – был друг, и нет друга – скурвился, продан.

Помощника позвал, записку с поручениями для подготовки карта и людей к отправлению ему вручил. А на душе беспокойно, что-то затевается, старое чутье воина никогда не подводило – ему верить можно. За эти две недели он и дома то не был толком, все по совещаниям да по заседаниям. Экономика действительно страдать сильно стала и дело не в копальнях этих, морок бы с ними, а в том, что торговцы Атолл избегать стали, а в Солнечную Бурю так вовсе ходить перестали. Теперь предпочитают напрямую, по большому крюку, через ядовитые пески, минуя Атолл, товар возить к соседям и торговлю вести – так стало безопаснее.

Просевшая экономика по благосостоянию в городе бьет сильно – знать и богатеи ужиться не хотят, как и раньше хотят, чтобы их карманы от золота пухли, а чернь поужали, во многом. Голодных ртов в городе начало прибывать, голодных и недовольных. Поэтому сперва было решено зачистки провести, от лишних ртов избавиться – ужесточили облавы и розыскные мероприятия по выявлению уродов и мутантов в городе. Таких изрядно нашлось, но что дальше с ними делать? Согнали в изоляционные лагеря, раньше первого полнолуния после Солнечной Бури из города их изгонять нельзя – закон. Но в том законе ничего не сказано об условиях их содержания в лагере изоляционном, а там, на еде и воде можно сильно сэкономить. Даже если перемерет там половина, даже если все от болячек и голода помрут – предписанное по закону исполнено в точности.

Устал Воевода от мыслей тяжких – агенты все время докладывают, что в городе крепнут недовольства. Уже недовольства те из самых низов поднялись до средних слоев горожан, того и гляди волнения начнутся. Ничего на случай такой в городе воинов достаточно, опять-таки – наемников всегда привлечь можно, тем все равно, что за деньги делать. Оружия в городе не так уж и много на руках у обычных горожан, а те, у кого оно есть на законных основаниях, те по другую сторону стоять будут, так что пока наблюдаем. Так, на сегодня с делами насущными разобрался – пойду домой, пока возможность есть, а то дочь злая на отца совсем, сильно обделял ее вниманием в последнее время, нужно что-то придумать, чем побаловать, как задобрить. А жена? Да что жена – была интересна, пока насильно брал. С похода ее привез с закатной стороны, отбил, украл. Красивая была, как взглянет – мурашки по коже, долго норов свой неукротимый показывала, но под напором, под натиском необузданным сдалась вскоре. Потом сына родила, но скоро страсть угасать начала, не интересна стала – на сына переключилась, о Воеводе забыла. Да он и не возражал, кровь бурлить продолжала, подвигов ратных и любовных с ними требовала, а дома все обыденно, неинтересно. Так и жили – на людях семья, дома – чужие люди. Через семь лет дочь Заира родилась, Воевода в дочери души не чаял, на него она похожа была как две капли воды, вся в отца.

Пока думал, да о жизни своей прошлой вспоминал к скверу городскому подошел. Городской сквер это единственное зеленое место – сад в городе, как оазис в пустыне. Его специально зеленью засадили, деревьями, какие найти смогли, кустарниками, травой да цветами. Воды на его полив не жалели никогда, даже в самое засушливое время. К этому скверу выходили дворы самых зажиточных семей города, крыльцо дома Воеводы выходило на соседнюю небольшую улочку, которая аркой сообщалась с этим садом.

В сквере на лавочке сидела девушка с книжкой в руках, лет четырнадцати, роста небольшого, метра полтора всего, крепко сбитая, плечи широкие. Лицо девушки тяжело было назвать миловидным, скорее грубое, челюсть тяжелая, глаза глубоко посажены, волосы каштановые, густые, на затылке в хвост собраны. Рядом в нескольких метрах по обе стороны прохаживалась пара охранников в плотных костюмах песочного цвета, у обоих пояс поверх куртки, на поясе в кобуре Стечкин и пара подсумков с запасными магазинами. Раньше охранник у дочери был

один, но в свете последних событий и резко выросших недовольств горожан Воевода рассудил, что еще один охранник лишним не будет.

– Здравствуй доча!

Поприветствовал дочь Воевода. Девчонка только недовольно фыркнула в ответ, не отрываясь от книжки. Избаловал ее Воевода. К ней подсел, не сторонится, вид обиженный делает, намекает, чтобы задабривал.

– Ну, прости отца. Не дуйся. Знаю, обещал, но дела, забегался совсем, ну.

Тыльной стороной ладони пальцами по щеке ее погладил. Взглянула коротко искоса и опять в книжку.

– Ну, давай мириться, давай в знак примирения подарок тебе сделаю, чего хочешь? Ваты сладкой хочешь или карамель вареную?

– Не хочу сладкого.

– Чего ж ты хочешь?

– Платье новое у Арея пошитое, справишь мне?

– И тогда мир?

– И тогда мир.

Кивнула.

– Договорились. Ну, обними отца.

На шею ему повисла, обнялись, он ее к себе крепко прижал, кровиночка его.

– А можно мне прямо сегодня, сейчас к Арею пойти?

В глаза смотрит, с мольбою, кротко. Так тут устоять?

– Конечно можно, конечно иди.

– Ну, я пойду?

– Иди, но не задерживайся, я сегодня дома буду. Ужинать все вместе будем, всей семьей.

– Хорошо пап, не задержусь.

Еще раз отца обняла, ушла, охранники за ней пошли.

Лавка Арея находилась недалеко, через пару улиц от городского сквера. Хотя это была не его лавка, Арею было всего 16 лет отроду, лавка принадлежала его отцу, но отец был сильно болен и от дел отошел, а у юноши был прекрасный природный талант и чувство вкуса, поэтому лавкой полноправно заведовал он.

Арей был городским кройщиком, как и его отец, как и отец его отца, это было родовое ремесло. Кроме них в городе были еще кройщики, но значительно низшего пошиба. Некоторые из них владели даже смежным ремеслом сапожника, но все равно представители семьи Арея всегда были лучшими кройщиками, а сейчас и самыми дорогими, поэтому у них заказывали платья и костюмы только самые состоятельные люди города.

До лавки дошли быстро, на двери табличка – «Открыто».

– Подождите здесь.

Бросила девушка охранникам.

– Заира, ты знаешь правила – сперва мы должны проверить кто внутри.

– Хорошо, но только оба не вламывайтесь, пусть один здесь подождет.

Охранник открыл дверь, первым в лавку вошел, Заира за ним следом.

– Если бы на всех женщинах мои платья так великолепно сидели, я был бы самым счастливым кройщиком в Пустоше.

Долетела до девушки фраза Арея. Он был не сам в лавке, напротив него со свертком в руках стояла среднего роста стройная, худощавая женщина. Черные выющиеся волосы свободно на плечи спадают, талия тонкая, ароматпряного масла и лаванды. Лицо Заиры начало меняться – недовольное выражение, злые глаза. Арей увидел вошедшую, взгляды встретились, замялся. Арей – красивый видный юноша, высокий, худощавый, длинные прямые волосы, прямой тонкий нос, пухлые губы, тонкий острый подбородок, зеленые глаза.

– Здравствуй Заира!

Девушка молчала, сверлила взглядом юношу. Темноволосая женщина повернула голову, увидела выражение лица Заиры, потупила взгляд.

– Спасибо Арей, что так скоро перешил платье, вот деньги, как и оговаривали. До свиданья.

Темноволосая легко и грациозно выпорхнула из лавки. Заира не скрывала своей злобы. Она ее знала, видела несколько раз у себя в доме, та выходила из кабинета отца. Было это в те разы, когда отец был уверен, что дома нет никого, а дочь тайком пряталась в доме, делала она это чтобы учитель по грамматике ее не нашел и она могла не заниматься с ним, ей было скучно, учеба была в тягость. Эта женщина, ее приводил и уводил из дома личный охранник отца, девушка ее ненавидела, готова была убить за отца, за то, что та так бесцеремонно влезает в их семью, а тут она еще и с Ареем смеет любезничать.

– Все иди, убедился – тут безопасно.

Отправила она своего охранника на улицу.

– Кто она?

– Ты о Виолетте?

– Ах, ее зовут Виолетта!

Зло бросила девушка.

– Нет, послушай, она просто принесла на починку старое платье.

– Правда, когда просто приносят платье, на починку всегда так любезничают и глазки строят?

– Кто строит, кому строит?

– Я видела, как ты смотрел на нее!

Заира уже закипала от злобы.

– Я ей строил, да ты что! Звездочка моя, что ты такое говоришь, она же шлюха из трактира!

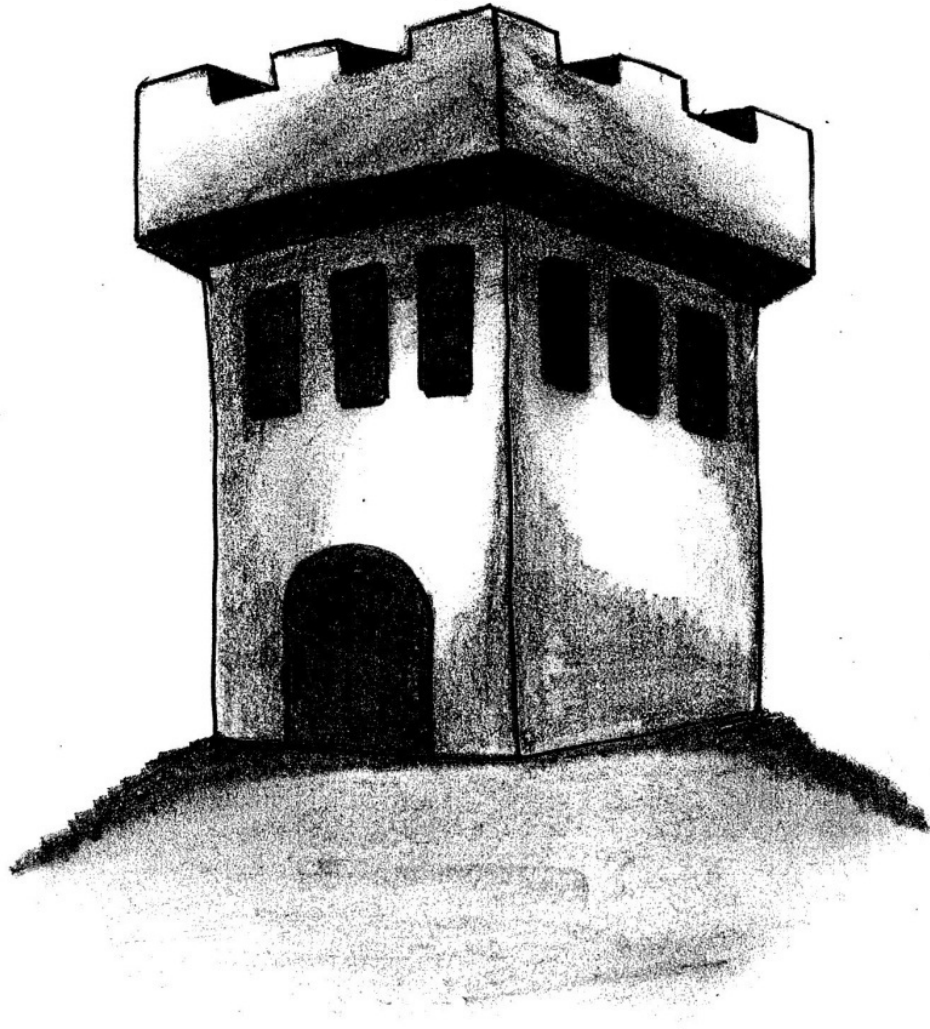
Вот это новость. Как же так, а отец? Что же это тогда получается? Может он, просто не знает кто она? Нет, не может быть, если даже Арей знает ее. Да ее, наверное, все в городе знают, значит и отец знает.

Девушка разом сникла, вся злость как по волшебству улетучилась, она бессильно опустилась на софу рядом. Юноша вышел из-за стойки, присел рядом, за плечи обнял, легонько поцеловал в висок.

– Ну что ты звездочка моя, глупенькая, я же люблю только тебя!

Еще раз поцеловал, потом еще, потом их губы встретились.

Атолл.

Лекс не ошибся, ветер сегодня действительно набрал нешуточную силу, до обеда карты шли на полных парусах, по гладкому, как зеркальная поверхность озера, бескрайнему морю песка. Огромные колеса мощно перемалывали пески Пустоши, тянули их волнистыми протекторами, подминали, выталкивали, подальше от себя назад, чтобы снова схватить новую порцию и отправить в след предыдущей. Люди в черных комбинезонах с нашивками в виде штурвала на плече, работали с веревками, тянули, ослабляли, крепили, вращали лебедки. Заклинило, песком набило: нужно быстро снять защитный кожух, выбить песок, смазать, кожух на место – готово. Гаша лопнула, канатом по рукам, кажись перелом – спустить на грузовую палубу к отдыхающей вахте, осмотреть, наложить шину, подвахтенного на его место. Все похоже, все одинаковы, лиц нет, люди-тени. Странно за ними наблюдать, как за черными пауками, ткущими паутину-ловушку. Чем не пауки – мачты в канатах затянуты, паруса на них бьются – ветер ловят. Маленькие паучки лазают внутри своих скорлупок, копошатся, наперекор днев-

ному господину Пустоши и его извечному другу-ветру. Идут, не отворачивают, упрямо вперед двигаются – наглецы.

Скоро рельеф начал меняться все чаще начали встречаться холмы и бугры, покрывавшие Пустошь как шишки или диковинные наросты на шкуре древнего зверя. Наезжая на них своими огромными колесами, передки картов подбрасывало немного вверх, после чего они клевали вниз щучьими носами кабин, волны песка взмывали вверх по обе стороны, обдавая горячими раскаленными брызгами карторов, работающих на верхней палубе-настиле с такелажем и лебедками, засыпая тех, что внизу закутанные в мешковину отдыхают. Здесь зевать некогда: зазеваешься – собьет с карта, слижет песчаным шершавым языком, утянет в Пустошь, проглотит.

Шеф-капитан дал указание уменьшить количество парусов на мачтах, не хватало еще, проделав такой огромный путь, повредить подвеску, порвать такелаж или сломать мачты. Карты пошли заметно медленнее, скорость упала, тряска, и постоянное зарывание носом, стали меньше и не такими жесткими.

Шеф Анд сен Ивер уже порядком устал и весь измучился, нещадно ломила спина, отдавая глухой болью при каждом новом зарывании щучьего носа в песок. Сорок семь лет, стар он уже для таких переходов. На переход во время Солнечной Бури, когда короткий путь самый губительный, а ветра равнины буйствуют нещадно, его подтолкнула крайняя нужда – семейный долг. Как отказать когда на кону жизнь собственного сына? Двадцать два года назад мастер-помощник Анд стал отцом, на свет появился долгожданный и любимый мальчик, наследник. Это был уже третий ребенок, первые два погибли из-за врожденных болезней. Мальчик родился здоровым, родители себя не помнили от счастья и сразу окружили его всей той теплотой и заботой, которая не досталась первым двум погибшим. Любовью, которая годами копилась и становилась сильнее. Отец сразу назвал сына наследником и учеником и, с того момента, по праву смог называться полным именем от своего родителя. Анд сен Ивер, что значило Анд сын Ивера, полное имя означает, что ты сам стал отцом мальчика, которому ты передашь семейное ремесло, назвав его учеником. Вначале всю любовь и заботу, а позже и все свои знания и умения он передал сыну, воспитав и вырастив его настоящим мужчиной, передав семейное ремесло. За него он испытал гордость, когда сын, пройдя путь от старкара до мастер-помощника, наконец, сам стал шеф-капитаном. С ним три года назад он разделил огромную радость, когда сын сам стал отцом и учителем. Но все хорошее заканчивается, когда ты живешь среди людей, в твой дом приходят наемные головорезы и ставят перед выбором – сын или долг за сына. Сын вел караван, угодивший в засаду мародеров. Карт вывести он не сумел, растерялся, на всей скорости колесом поймал зыбучку – яму наполненную зыбучим песком. Ось карта вырвало, мачты сломало. Карт и товар потерял, хорошо сам жив остался. Пуля в плече, вторая в руке, сын дома лежит в бреду, а наемники грузоотправителя на пороге с автоматами стоят. Все свои сбережения отдал, но все равно не хватило, пришлось соглашаться самому караван вести через Пустошь да во время бури.

– Проверить укладку груза, доложить!

Крикнул шеф-капитан в металлический рупор-воронку, выставив его в проем кабины сзади. Сзади посередине кабины, проем выходил на грузовую палубу карта, имел поручни и не был застеклен, в отличие от трех лобовых и двух боковых проемов. Задний проем был значительно больше смотровых и устроен так, чтобы в него спокойно мог пролезть человек. Это было необходимо, так как место посередине кабины, по расписанию всегда занимал шеф-капитан либо мастер-помощник. Лобовые смотровые проемы предназначались для рулевого слева, шеф-капитана – по середине и правый проем для вожатого. Боковые смотровые проемы значительно улучшали обзор по сторонам для рулевого и вожатого.

Старкар головного карта, с нашитыми на потертом комбинезоне штурвалом на плече и одной узкой желтой линией на предплечьях, продублировал команду шеф-капитана идущим

сзади картам специальными черными флажками, выбрасывая их вверх и в стороны в определенной последовательности, затем сменил флажки на белые, и процедура повторилась для своей команды. Карторы головного карта в черных плотных комбинезонах, с наглухо замотанными лицами и опущенными на глаза панорамными очками спустились в грузовой трюм. Прошли по бортам вдоль груза, подергали за каждую веревку, где нужно подтянули, осмотрели ткань закрывающую груз и, каждый по очереди, подняли одну руку вверх, все в порядке, все штатно. На идущем следом карте подняли зеленый флажок, на замыкающем – красный.

– Шеф Анд сен Ивер, проблемы в третьем карте!

Доложил в проем старкар. Шеф-капитан обернулся к нему и громко прокричал.

– Командуй остановку!

Снова черные флажки взметнулись в разные стороны, им на смену пришли белые и перья-паруса стали сползать вниз, прячась в тубусах. Те, которые в тубусы не убирались, команда скатывала, обвязывая веревками и покрывала чехлами. Когда был уложен последний парус, шеф Анд сен Ивер скомандовал остановку рулевому, тот послушно выполнил распоряжение, одной рукой продолжая удерживать карт на курсе, второй медленно начал тянуть огромный рычаг на себя, карт начал медленно снижать скорость и остановился.

Второй карт остановился в нескольких метрах сзади и правее, третий карт, взяв еще правее протянув дальше второго, остановившись напротив головного. Таким образом, карты образовали некое подобие треугольника, с местом внутри. Так как готовить карт к выходу и ставить паруса занимает много времени, это было необходимо в целях безопасности, в случае внезапного нападения, на этой площадке внутри за картами можно будет укрыться и вести бой из-за укрытия.

Команда высыпала на внутреннюю площадку, старкары начали назначать и расставлять по местам дозорных, остальные, пока у них случилось свободное время, покидав циновки на раскаленный песок, повалились отдыхать. Охрана с автоматами заняла позиции между рядом стоящими картами в вершинах треугольника, распределили секторы обстрела. Лекс с шеф-капитаном стояли у кабины головного кара, дожидаясь пока к ним подойдет мастер-помощник. Ворон, расставив наемников, тоже направился к ним. Вот, морок, только его истерик сейчас не хватает, все и так дерганые, а его наемники так вообще уже три дня на взводе, того и гляди прорвет. Вожатый искоса посмотрел на шеф-капитана. Старик выглядел хреново, дорога совсем измотала его, пытается держаться, но через силу, видно, что не сдюжит, отдых ему нужен. Придется самому с Вороном разбираться, да усмирять взрывной нрав наемника.

Хоть Лексу и было двадцать два года от роду, многое уже успел в жизни повидать, через многое пройти. Жизнь подарила ему настоящего и любящего отца и учителя. Но она же его и забрала совсем рано, в пустой ссоре на постоялом дворе на глазах у Лекса его зарезал пьяный наемник. Самого парня сука жизнь не обделила талантами, родовое ремесло он перенял быстро и легко, уже в двадцать на его плече красовалась нашивка птица на фоне солнца частично закрытого луной на синем фоне. Красовалась по праву, у него был талант выбрать наиболее безопасный маршрут для каравана, был у него и дар – ориентироваться без подручных средств и приборов во время Солнечной Бури. Как он это делал объяснить обычному человеку сложно. Он мог вживую, среди бела дня, видеть звездное небо, так как будто бы дело было ночью, видел, как по карте звездного неба движется дневное светило, поэтому безошибочно находил нужное направление движения для шеф-капитана. Он любил Пустошь, всегда воспринимал ее как живое существо, он ее понимал, слышал. Совсем еще ребенком, он с отцом уже колесил с караванами по этим пескам, учился стрелять из ружья, учился распознавать людей, учился их слушать, учился говорить с ними. Со смертью отца он многое потерял, не только наставника, но и лучшего друга и товарища, он целый мир потерял, с тех пор Пустошь стала для него пустой и какой-то чужой. Теперь ему всегда хотелось поскорее вернуться домой, к матери и младшей сестренке, единственным дорогим ему людям. Теперь он глава семьи, он в ответе за них.

Подошел мастер-помощник, веселый парень, на три года старше Лекса, как и все в караване с ног до головы замотанный, закрытый одеждой, чтобы не дать песку ни малейшего шанса до кожи добраться, ожечь, отравить.

– У третьего карта одна пластина левой рессоры на средней оси лопнула. Лашинг не выдержал – веревка лопнула и груз сместился, как следствие, рессору оси перегрузило, вот на очередной кочке она и треснула.

Старик тяжело опустил голову. Подошел Ворон, только конец предложения он, скорее всего, смог услышать. Шеф-капитан поднял голову, посмотрел на Лекса, перевел взгляд на мастер-помощника.

– Сколько времени понадобится, чтобы дублер завести, поставить и обтянуть?

– Часа два, никак не меньше.

Ворон, стянул платок-повязку с лица, сплюнул под ноги, на шефа Анд сен Ивера смотрит. Молчит пока.

– Лекс, что скажешь, если через два часа закончим, есть нам резон сегодня снова паруса ставить, или будем сразу лагерь разбивать до завтра?

Нам? А ты-то сам как, сдюжишь? Лица на тебе нет.

– Дальше рельеф сильно поменяется, холмы будут намного выше, выше картов. Ветер будет сильно рваным, местами с сильными завихрениями, ускорениями и спадами, паруса придется все время добавлять и убирать. Через пару часов он начнет слабеть, это нам очень на руку, чтобы этот участок проскочить, Пойдем туда завтра по сильному ветру, можем не пройти, тем более на сломанной рессоре.

Старик кивнул.

– Хорошо мастер Гикс. приступайте к ремонту, время терять нельзя, постарайтесь не затягивать – время дорого. Распределите людей по вахтам, самых опытных для ремонта задействуйте, остальным отдых – впереди трудный переход, много работы.

Мастер-помощник ушел.

– Дойдем сегодня?

Голос скрипучий, неприятный, глаза за стеклами запыленных очков холодные. Обращается к Лексу.

– Ветер стихнет через час после заката, времени хватит.

– После заката?

Пауза.

– Ты что нас ночью вести хочешь? Ты что грибов перебрал, морок тебя дери!

– Шеф Анд сен Ивер, вам тоже лучше отдохнуть, мастер-помощник будет занят ремонтом, устанет и не сможет заменить вас на переходе, вам понадобятся силы, а мне ваше умение, чтобы дойти сегодня.

Старик спорить не стал, куда там, выжатый совсем. Только руку на плечо водителю положил. В глаза устало посмотрел, развернулся и полез в кабину на отдых устраиваться.

– Ты мля, меня не слышишь или вид делаешь?

– Прекрасно слышу, ты просто меня слышать не хочешь. Я же сказал, что ветер стихнет через час после заката, я не смогу вас ночью вести без ветра, поэтому планирую быть на месте еще до темна.

– А если не выйдет у тебя до темна нас довести, что тогда?

Ну все, приехали, начал заводиться ирод, не хочет слышать ничего.

– Тогда я вас буду поить в трактире три дня, тебя и твоих четверых головорезов, идет?

О, магия слов о дармовой выпивке подействовала – глаза аж заблестели, только это совсем другой, не тот холодный блеск. Вплотную подошел к водителю, в глаза ему посмотрел.

– Идет, только сначала я с тебя шкуру спущу и аргам ее скормлю, а уж потом ты нам выпивку поставишь.

Погруженный в предрассветную темноту Атолл еще дремал, тихо было, только изредка раздавалось хлопанье дверей, на площади в районе рынка, торговцы просыпались, и неспешно открывали свои лавки. Короткая ночь не приносила желаемой прохлады и облегчения после бесконечно долгого жаркого дня. В период Солнечной Бури дни были особенно долгими, жаркими и изматывающими, а ночи мимолетно короткими и нестерпимо душными. По улицам лениво передвигались дворовые. В их обязанности входило убирать улицы и дворы, утром тушить фонари освещения, а вечером разжигать их вновь. На базарной площади, возле зданий городской администрации и зданий первого яруса, трактира, и обоих постоянных дворов освещение было электрическое – от ламп накаливания, остальные переулки, переходы и галереи верхних ярусов освещались от жировых ламп, которые нужно было разжигать и тушить вручную каждый день. Электричество в городе было, но его вырабатывалось крайне мало – не хватало генераторов. Ночью ветра Пустоши тоже спали, поэтому электричество нужно было запасать, в аккумуляторы, собирать которые нынче стоило безумно сложно и дорого. Когда-то люди в избытке имели даже портативные батареи в любом приборе, а электрический фонарь было чем-то настолько обыденным, насколько сейчас обыденны лучины в домах бедняков. Странное было время, то о котором сохранилось множество воспоминаний в книгах того времени, которые в огромном количестве выкапывались копателями и приносили добытки, из мест погребения древних городов. У тех людей было все, они даже по воздуху летать могли, у них даже была чистая вода и практически неотравленный воздух, не было таких страшных болезней, они были счастливы! Но тогда чего им не хватало? Зачем развязали ту страшную последнюю войну? А чего не хватает людям сейчас? Зачем выжившие потомки тех людей развязали большую войну тринадцать лет назад? Наверное, дело в самом человеке, а не в условиях, в которых он живет...

Небо на восходе окрасилось предрассветной желтизной, узкая полоска света быстро расширялась, ползла вверх. Тревожные тени проснулись, поднимаются, растут, удлиняются, шепчутся – дневной владыка Пустоши приближается. Легкий ветерок пришел с заката, играя как ребенок, подбросил вверх пригоршню песка с поросшего травой, небольшого холмика, отсалютовал своему дневному другу. Ветер побежал дальше, просыпаясь, стал подниматься выше и выше, минуя город на его пути, ударился об отбойник на крыше, отскочил, задел дремлющие на мачтах городские флаги, на синем фоне которых красовалась массивная башня среди песков. Флаги затрепыхались, ветер отпрыгнул в сторону, запутался в лопастях ветряка, лопасти недовольно заскрипели, поворачиваясь, разгоняясь все сильнее и сильнее, пришла пора и им проснуться, людям нужно электричество, и генераторы будут добывать его из ветра, превращая в ночной свет.

Солнце показалось над горизонтом, разом залило своим ослепительным светом долину, тени шарахнулись в последнем отчаянном прыжке, разбились о неприступные городские стены и сгнули. Дневной владыка поднимался все выше и выше, ему было интересно заглянуть за высокие стены города, увидеть представление забавных букашек, там внизу. Букашки суетятся, снуют без устали по лабиринтам своего игрушечного городка. Букашки галдят, носят, меняют, бросают, ненавидят, предают, любят, рожают, крадут, убивают. Забавное представление было сегодня, идем друг верный, друг быстрый и свирепый – нам пора. Оставим букашек до завтра, пусть тени возвращаются, пусть тени поглотят их, скуют в своих объятиях страха, пусть наполнят дома и души букашек парализующей, вязкой темнотой забвения.

За дверью спальни раздавались голоса – низкий властный голос жены, она уже кого-то отчитывала. Ей отвечал тонкий детский голосок, опять дочери досталось, из-за пустяка какого, поди. Опять не в духе жена проснулась. Как не хочется вставать, проклятое утро, проклятая

бестия, опять будет мозг выедать, сейчас начнет снова поучать как нужно дела вести. Начнет указывать на то, что он не может заработать и скопить на нормальный дом, хотя бы на втором уровне, как их друзья, точнее сказать «её» – его друзьями они не были никогда. Расем с семьей, вон вообще на первый уровень перебрался год назад. У нее всегда, чуть что – Расем то, Расем сё. По любому спит с ним зараза, да и морок с вами – спите, любите, как хотите, меня в покое оставь, дай жить нормально, дочь не трогай. По пустякам шпыняет ее постоянно: «Такая же, как твой отец неудачник, ничего не можешь, ни к чему не стремишься. У тебя не игры в голове должны быть – смотри, да присматривайся к сыновьям из зажиточных семей, ищи мужа себе нормального. Не повторяй моих ошибок молодости, вот, выбрала себе слюнтяя в мужья, так и мучаюсь теперь. Сил моих больше нет вас, никчемных, терпеть».

Жарко, душно с утра, вентиляция не помогает, третий ярус с утра уже солнцем разогревается, тонкие в несколько слоев законопаченные стены, жсть да щиты всякие, местами камень, а накаляются на солнце нещадно. То ли дело стены первого и второго ярусов, при-мыкающие к городской стене, в два метра шириной – прохлада и безопасность. Рубаха мокрая совсем, потная, к телу липнет. Дышать нечем, грудь сдавило, сердечко шалит. Где капли? Доведет она меня, раньше времени в могилу положит, а как же Мара, как же доча без меня, сгнобит ее совсем бестия.

Семь лет назад встретил ее на базарной площади, сама заговорила, сама свиданку назначила. Красивая тогда была, веселая, ни намек на ту стерву, в которую потом превратилась. Хотя вру, конечно, сам дурак слепой был. С рождения больной. Что-то про обмен, каких-то веществ лекари все время говорили, полный, медлительный, жара постоянная, потный, запах этот... Кто с таким знакомиться захочет. Сам же никогда не мог первым подойти, заговорить, как посмотрят, смеяться будут, так с самого детства повелось.

Нашел капли, накапал, выпил, вода горячая противная.

В тот год отец умер – тоже сердце, на роду у нас значит так. В наследство карт торговый оставил, небольшой двухосевой. Сдал его в аренду, за пару удачных ходок сумму неплохую заработал с аренды. Потом она. Как то быстро у нас все закрутилось, еще бы – меня понять можно, я же с женщинами никак и никогда, вот и повела меня как кобеля дурного, стоило только пальчиком поманить. Через полгода уже оженлись, мать благословение дала, а сама через четыре месяца вслед за отцом, даже внучку не увидела. У ее отца бизнес только что прогорел, уговорила меня карт продать, да с отцом в новое дело вложиться. Послушал код безмозглый. Не до того было тогда, наконец-то радость большая – дочь родилась.

Как вставать не хочется. Ноги за ночь отекли, болят, не встать, огнем горят. Нужно, нужно – работа... пропади она пропадом, нужно склад идти открывать. А какому мороку он нужен, буря уже пять месяцев свирепствует, торговля стоит, даже с близлежащих копален руда не привозится.

Квадраты, квадраты – все на уме у нее одни квадраты. Серебряные, но лучше золотые, да не ноготки, а сразу ей четвертаки, а то и полтинники подавай. А лучше и вовсе целый квадрат. Да где им взяться-то, тем более золотым. Вот самому бы чеканить их... Замечтался однако.

Взяли сначала в аренду склад – дела пошли, неплохо пошли. Склад выкупили через два года, только папаша ее, склад к рукам прибрал, на себя оформил. Сказал, что большая часть денег в предприятии его была, он дело своим трудом поднял, поэтому хозяином он будет, а меня управляющим этим складом поставил... на побегушках. Бестия тогда папашку поддерживала, все по-честному, говорит, да и стар он, так что склад в любом случае твой. Ага, как же мой, старик еще меня переживет, а нет – так она же его и приберет к рукам, сука морочья.

Оделся, идти нужно.

– Ну, наконец-то поднялся, солнце вон уже скоро над крышей станет, а он все бока отлеживает!

Глаза злые, сверкают, стоит – руки в бока необъятные уперла, волосы темные кудрявые в разные стороны. В трактире на полке альбом стоит с фотографиями «Мифы и легенды древней Греции» называется, вот там такая же, как ее... Медуза Горгона! Вот точно – вылитая.

– Сладко ли тебе спалось муженек, мой, трудолюбивый?! Конечно как же, когда же мы отсюда переехать сможем? Если глава семейства даже не чешется, чтобы квадрат лишний заработать и домой принести!

Ну вот, о чем я и говорил – старая песня, заезженный винил. Выбросить бы его с окна да вниз на улицу, битым камнем мощенную, или разбить об угол стола, да в канаву сточную спустить, к аспидам во тьму бездонную.

– И тебе доброго утра.

Вяло, без выражения ответил. На кухню прошел. Дочка за столом сидит над кашей, лениво в тарелке ковыряется, настой из трав по чашкам разлит, на меня, как всегда не накрыто.

– Папочка, доброе утро!

Искренняя, приятная улыбка, открытое светлое личико, веснушки на пухлых щеках, золотые волосы в две косы сзади собранные. В ответ улыбнулся. На бабушку свою очень похожа, жаль не виделась никогда.

– Привет солнышко!

В лоб поцеловал, хихикнула довольная.

– Папуль, ты садись, я тебе сейчас быстренько соберу. Сел на стул. Мегера пришла свое место заняла, не на кого не глядит, сидит ложкой кашу зачерпывает, настоем запивает.

– Чтобы есть нужно работать, а не дармовщину разводить.

Дочь тарелку поставила, чашку настоем наполнила, подала.

– С собой ее на склад сегодня возьми, мне нужно к Арею зайти, платье заказать новое хочу. На обмерку пойду. Потом дела еще есть в городе.

– Платье? Дорогое? Ты же сама говорила, что на дом копить будем.

Лицо повернула, глаза, сколько в них ненависти.

– Ты что мне предлагаешь голой на людях ходить? Ты мужик, ты должен заработать и на дом и жене на платье.

Отвернулась, настой пьет.

– Хотя какой ты мужик, даже не был им никогда.

– При Маре не нужно.

– Ей шесть, уже можно жениха подыскивать. Через шесть лет готова к женитьбе будет.

– Время придет – сама подыщет.

– Сама она себе ничего стоящего не найдет, потому что вся в отца слюнтяя. Я за тебя всю жизнь все делаю. Место свое ты благодаря кому получил?

– Благодаря кому?

– Конечно благодаря мне. Я своего отца уговорила тебя никчёмного управляющим поставить.

– «Какой из него управляющий, чем он управлять может».

Повторила она, подражая голосу своего отца.

– Еще тогда отец понимал, что ты ни к чему не годен, но все равно тянул – потому что я просила, родня потому что.

– Там и мои деньги были, я тогда свой карт продал, забыла!

– Рот закрой! Смотри, голос у него прорезался.

Ложка в тарелку грохнулась, сильно, отлетела, под стол упала. Женщина встала, от злости кипит, тарелку и чашку со стола забрала, в мойку понесла.

– Про деньги он вспомнил, которых пес наплакал, было. Деньги, кому скажи – животы от смеха надорвут. Ты бы все профукал и карт и деньги, ты бездарь, не можешь ничего. О, духи Пустоши, за что мне такое несчастье досталось. Зачем я тебя терплю такого.

Тарелку помыла, на полку поставила.

– Дочь заberi, мне сегодня некогда. Все, я ушла.

– Хорошо бы и не возвращалась.

Вслед проговорил. Мара весело хихикнула. Дочери подмигнул.

– Готова? Давай посуду помою, и пойдем с тобой работать, на наш новый дом зарабатывать будем.

Спускаться по ступеням третьего яруса нестерпимо больно, отекающие ноги огнем горят, идти не хотят, не слушаются, о муки ада! Дочка рядом пыхтит, ей тоже жарко, душно, платье плотное – не дышит совсем. Мамашка вон себе тонкие, модные платья заказывает у кройщика дорогого. У него многие жены зажиточных купцов одеваются, даже дочь Воеводы там частая гостя. А своей дочери, самое обыкновенное платье, для люда простого, из жесткой ткани, из травы полевой, сотканное покупает. Не любит она дочь. Странно получается – сама носила, рожала, а любви материнской нет; ждет, когда та женщиной станет, чтобы избавиться выгодно от нее, все разговоры только об этом. Как будто не дочь, не плоть от плоти, а мулга какая – товар.

Еле дошли до склада, по дороге дочь Воеводы встретили – легка на помине. Она не сама, при ней охрана – два быковатых мордovorота. Вот интересно, столькие больными рождаются, уродов сколько, мутантов самых настоящих, а откуда какие берутся, как на подбор, как специально их где-то выращивают и к нам отправляют. Сама идет – нос задрала, людеy от грязи на сапогах своих не отличает. Метра полтора ростом, маленькая, талии нет – грудь сразу в бедра переходит, груди тоже нет. Зато плечи как у мужика широкие, шея короткая, ноги-тумбы, своим охранникам мордovorотам под стать, сразу и не поймешь где кто. Лицо грубое, челюсть тяжелая, глаза глубоко посажены, волосы каштановые густые, на затылке в хвост собраны.

На торговой площади никого, воины иногда прохаживаются, карты стоят плотной тканью затянутые, пылью изрядно припорошенные, за долгие месяцы стоянки. Последний караван вышел из Атоллы две недели назад, сам сын Воеводы с ним пошел, и с тех пор ни слуху, ни духу о них нет. Склад пустой, опять без работы сегодня, как и вчера, как и много дней уже подряд; нет никого, уже хлеб на столе раз в день увидеть можно, еще месяц и голодать совсем начнем. Мегера тогда взбесится окончательно, что будет тогда, дочь жалко, ей тоже тяжело, молодой организм в питании хорошем нуждается...

Когда же уже эта буря проклятая закончиться? Ничего, потерпи доченька, скоро, совсем скоро Солнечная Буря утихнет, караваны пойдут, торговля начнется, склад опять товарами заполниться, деньги появятся – побалую я тебя. Куплю сладости и платье новое, не из грубой ткани сотканное, у Арея закажем. Будешь красавицей у меня ходить, на зависть всем женихам! Тфу, ты от мегеры набрался гадости, не нужны нам они эти женихи, нам с тобой вдвоем хорошо, никто нам не нужен.

Так весь день без дела и промаялись в помещении склада, в слова играли. На какую букву слово оканчивалось, с той буквы следующее должно было начинаться. Жарко, душно, скучно. После обеда суета на площади какая-то началась, вышли, прошлись, посмотрели, у воина молодого спросили, отчего суета. Но тот толком ничего сам не знал, сказал приказ Воеводы один малый карт к выходу готовить, загрузить всем необходимым и ждать. Что бы это могло значить? Может за рудой все же? Если так, это обнадеживает – работа может, будет.

Склад закрыли рано, что толку в пустом душном помещении весь день сидеть. Нет никого, еще один пустой день без прибыли, значит еще один голодный день сверху. В груди колет, задыхаюсь, воздуха не хватает. Пойдем домой, устал, отдохнуть отцу нужно, спать пораньше лечь. Одежда воняет-то как, самому тоже помыться нужно. На воду деньги нужны, их нет, вода дорогая. Помывочный день в городской бане через два дня, но если дела не пойдут, то и туда в четвертый класс даже не попаду, денег не будет.

Городская баня – полезная вещь, Совет Атолла, в свое время правильно рассудил, что такое учреждение жизненно необходимо в целях профилактики кожных болезней, опрелостей в гнойники переходящих, да чтобы не завшивели люди. Вода, дистиллированная за ночь на крыше собирается, очищается и на городские нужды идет, на баню в том числе. В городской бане вода несколько циклов проходит. На первом цикле подается в душевые первого класса – чистая вода, в ней помыться дороже остальных стоит, потом эта вода грубыми фильтрами фильтруется и снова подается в душевые второго класса и так далее. Всего этих классов четыре, вода четвертого класса самая грязная и мыльная, после душевых четвертого класса эта вода используется как хозяйственная, для приготовления дезактивирующих и дегазирующих растворов и для помывки общественных туалетов. Ночной конденсат, конечно не единственный источник пресной воды в городе, есть еще водоносная скважина, уходящая глубоко под землю к подземной реке, которая некогда по поверхности текла, но теперь она намертво заточена под песками Пустоши. Содержание скважины городу дорого обходиться – чистка штольни, колодца, плюс наверх ее поднять. Для этого электричество для насосов нужно. Потом очистить от грубых примесей, профильтровать, обеззаразить. Дорогая нынче вода для людей стала – роскошь.

Домой вернулись, ступени на третий ярус, вот мороки, как же тяжело по ним наверх подниматься. В дом вошли, чувствую себя как выжатый лимон. Что такое выжатый лимон? В старину, предки наши так любили говорить, зачем они эти самые лимоны выжимали? И вообще это человек, животное или растение? Жены еще нет, у Арея еще, или в городе по делам ходит, как будто я эти дела не знаю, эти дела зовут Расем, да и морок с вами, любитеесь на здоровье, может опосля эту стерву хоть ненадолго отпустит. Дочь разуться помогла, руки помыли. Одежду городскую на домашнюю сменили. Все больше не могу – я спать.

– Паап!

– Что милая?

– Можно я рядышком с тобой посижу?

– Конечно солнце!

По золотистым волосам погладил.

– А давай я тебе читаю! Что ты хочешь послушать?

– А что мы прошлый раз читали?

– Робинзон Крузо!

– Хорошая книга.

– Пап, а почему черные люди убивали и ели других людей?

– Так было принято у них. Подношения своему Богу делать, жертву приносить, чтобы Бог на них не сердился, напасти всякие не слал.

– А почему мы так не делаем, может на нас Бог перестанет сердиться, если мы ему тоже эту... жертву принесем?

– Нельзя так, нельзя людей убивать, просто так, и в жертву приносить нельзя. Тогда люди глупые были, они верили в то, чего нет, верили что громом, засухой и болезнями кто-то управляет, верили, что его задобрить можно, принеся жертву.

– Так что Бога нет?

Запнулся. А на самом деле, его точно нет?

– Понимаешь, это как верить, что ветрами Пустоши или Солнечной Бурей кто-то управляет. Это все равно, что верить, якобы древний Бог разгневался на наших предков и уничтожил почти всех, и планету отравил, чтобы оставшихся людей убить. Но ведь это не так, люди сами войну развязали, сами применили ядерное, биологическое и бактериологическое оружие.

– Зачем они так поступили, они ведь сами погибли и мир, в котором жили, разрушили. Пап, они тоже были глупые, как те черные люди?

– Люди всегда глупы. И те, и наши предки, и мы тоже глупые, мы ведь тоже развязали большую войну тринадцать лет назад. Если бы не приход демонов Пустоши, кто знает, чем бы все закончилось, может, нас бы уже тоже не было.

Загрустила, голову опустила, задумалась.

– Пап, а ты видел море?

– Нет, Марочка, не видел.

– А знаешь того кто видел?

– Эйр, вожатый, который к станичникам карты водит, он видел.

– А где это море?

– На закате.

– А оно красивое?

– Я правду не знаю, наверное.

– Я тоже не знаю. А давай, мы о море почитаем, чтобы узнать.

– Давай, у нас есть книга про море?

Задумалась.

– Сейчас пойду, посмотрю.

Ушла. Сильно клонит в сон, как же я устал, сколько же усталости накопилось, как же я уста...

– Просыпайся, эй, сколько тебя будить можно – вставай!

Голос жены, недовольный, раздраженный. Глаза открыл. Надомной склонилась, за плечи трясет, эй, эй – полегче голова сейчас отвалиться. Почему она в моей комнате? Мы уже давно вместе не ночуем, после рождения Мары, еще первые полтора-два года жили, и даже супружеский долг выполняли. Без страсти, без любви, просто долг, просто выполняли. А потом она вообще в отдельную комнату ушла – мол, храплю я сильно, мол, разожрался, что места ей мало, как будто она не разожралась. Так какой арг в Пустоше издох, что она ночью ко мне в комнату сама пришла?

– Да вставай же ты, боров окаянный!

Хотя нет, еще не ночь, небо красное, предзакатное.

– Да встаю уже, встаю, хватит меня тряссти.

Повернулся на кровати сел, сон на пользу пошел, немного полегчало, отдохнул и ноги не так сильно огнем горят.

– Что случилось, из-за чего суета.

– Пришли за тобой, одевайся.

Не понял.

– Кто пришел, зачем?

– Человек от приемного, караван в город пришел из Полуночного Альянса. Товар принимать, и сгружать будут, ангар нужен.

Вот это новость, даже не верится! О чем мы намеренно говорили? О Боге, выходит, что есть он!

Встал, быстро переоделся, собрался.

– Ну, все, пошел, буду поздно, может даже завтра.

А в ответ холодный взгляд и тишина. Ладно, потопали. Вот, вспомнилось к слову.

– «Друг, оставь покурить, а в ответ тишина. Он вчера не вернулся из боя...».

Посыльный покосился.

– Чего оставить? Не курю я!

– Да нет, в трактире слышал – песня такая играла, мужик красиво под гитару пел!

– Нет, не слышал такой.

Рукой махнул – что с тебя взять, ты, небось, и в трактире то ни разу не был. На какие шиши тебе туда пить идти, небось, выпиваешь где-то на подпольной сивушной хате. Зараза,

что это такое? За трактир вспомнил, живот аж скрутило, подступило, теплотой разлилось. Да я и сам-то не часто там бывал, но вот сегодня, сегодня можно и зайти – деньги будут. Приемному спасибо огромное, что именно за мной послал, именно мой склад выбрал. Но не о выпивке воспоминания теплотой нутро напомнили, вспомнилась она – Виолетта. А что я ведь тоже живой человек, мне тоже ласка нужна, а в ее объятьях я как ребенок забывался, другой раз даже не нужно мне ничего от нее, не могу. Просто нужно, чтобы выслушала, голову себе на грудь положила, рукой хрупкой своей по волосам погладила...

Приемный другом амбарному не был, у амбарного вообще не было друзей, не нужным никому человек оказался. Так в жизни бывает, когда человек полезен, пока ценность какую представляет – помочь может, деньги занять без процента, вопрос решить сложный, по работе подсказать или направить. А как только нужда такая проходит, то и человек этот ненужным становится. Вот и амбарный не нужен был никому, никому и никогда, потому как даже вопросы порешать или денег занять не мог. Приемный мог арендовать любой другой склад, они сейчас все пустовали, но послал именно за ним, потому как жалко амбарного ему было, даже не его самого, а дочь его. Он знал, что в семье амбарного происходит, потому ребенка жалел, нравилась она ему, можно сказать, отеческие чувства он к ней испытывал. Может потому, что приемный своих детей иметь не мог. Поэтому и тянулся к ней, как к дочке, поэтому вот так, через отца ее пытался ей помочь. Он даже иногда денег амбарному давал сверх договора аренды – вот, мол, тебе чаевые за качественную работу твою, комплимент от грузоотправителя, так сказать.

Как не больно было признавать во вред своему ущемленному самолюбию, но Воевода оказался прав. Нашлись в городе и вожатые, и шеф-капитан, и команда картор-караванеров. Правда, вожатых было всего двое, один с которым Ящер сюда от станичников прибыл, и с которым никаких дел больше иметь не хотел. Второй был старик глубокий, и как показалось наемнику, немного не в своем уме. Несмотря на возраст, он все еще носил нашивку – солнце прикрытое луной и орел с большой звездой внизу под ним, но на сером фоне, а это значило, что опыт с возрастом к нему так и не пришел, не сможет он их во время Солнечной Бури в нужное место провести. А с учетом того что он вслух с мороками общается – доверять такому жизни людей и вверять успех операции в его руки, Ящеру сразу расхотелось.

С шеф-капитаном повезло больше, их в городе нашлось сразу три. Одним был тот самый шеф-капитан, на карте которого наемник две недели назад прикатил в город. Они уже были знакомы, но тот когда узнал, куда и зачем придется вести карт, сказал что подумает до вечера и как сквозь пески провалился, два часа поисков по всему городу результатов не принесли. Зато второй отыскавшийся шеф-капитан, внимательно выслушав наемника, сразу огласил цену за свои услуги, цену не малую нужно сказать, но когда платишь не со своего кармана, цена значения не имеет.

Картор-караванеры, тоже желанием не горели в сторону Диких Земель во время бури идти, смельчаков набралось целых трое, о которых если недолго на них посмотреть, сразу можно сказать – люди конченные. Атолл хоть и самодостаточный город, но его население все же не настолько велико, чтобы обеспечить безграничные нужды и запросы в рабочей силе и ремесленно образованных людях. Вот и с карторами так – раньше было три полноценные команды на большие карты, но кто в прошлом году сгинул, кто с сыном Воеводы сейчас ушел, так и осталась в городе всего одна команда.

Вот так целый день и пробежал по городу наемник в поисках людей, а поиски закончились, по сути, ничем.

Старший наряда охраны городских ворот, сидел за своим столом в рабочем кабинете. Душно нестерпимо, хвала духам Пустоши, гребаное солнце уже скоро зайдет, наступит долгожданная ночь, хотя и она не принесет облегчения и прохлады. Мысли витали где-то далеко, не хотели сосредоточиться, на том, что важно именно сейчас. Нужно было придумать что-то конкретное, что с этим дальше делать.

Час назад, вернувшись с обхода караулов, высокий, крепкий старший наряда охраны решил расслабиться. Для этого у него всегда была припасена маленькая фляга с хорошим самогонном, но во время службы такая вольность строго возбранялась, поэтому никто его видеть не должен. Старший наряда охраны поднялся в свой рабочий кабинет, заперся на ключ изнутри, достал из потайного кармана заветную флягу, металл фляги и ее содержимое приятно отяготили руку. Улыбнулся сам себе, настроение поднималось, пробку отвернул, в нос ударил резкий сивушный аромат, прелесть! Поднес к губам, жидкость огненная рот обожгла, к горлу устремилась, стук в дверь... Проклятье, тысяча демонов Пустоши на твою голову! Поперхнулся старший наряда охраны.

– Кто?!

– Вам записку передали.

Голос из-за двери.

– Какого морока, сейчас, иду!

Крышку на место навинтил, флягу в карман отправил, пошел дверь открывать, рукавом занюхивая.

На пороге стоял молодой воин, с СКСом на плече вдоль тела.

– Прошу прощения старнарох Лех сен Вар, вот, пацан только что принес, сказал срочно лично в руки нужно вручить.

Протянул записку – серый грубый кусок бумаги вчетверо сложенный, тесьмой грубой обвязан, печатью скреплен. А главное печать то сама есть, а узора на ней никакого нет – как это понимать?

– Ты свободен.

И вот, сидит он теперь за своим столом, записку, развернутую в руке держит, нужно понять, кто за этим стоит и как дальше действовать, а мысли далеко витают.

«Ты должен. Плоти по щитам или придем за тобой».

Ни подписи тебе, ни авторства. Ошибки, почерк корявый, как будто детский, а ребенок тот только писать учиться. Шутка может, чья-то неуместная, разыграть кто-то решил. Может и так, но только, скорее всего, то дело рук того оборванца кривого, с которым он неделю назад в кости в подпольном игорном доме, подвизался играть. Силен, калека оказался, а Лех сен Вар слишком азартен. Проиграл он кривому внушительную сумму, разумеется, с собой тогда у него столько денег не было, записку долговую истребовали у него. Написал. Только деньги старший наряда охраны, по сей день, отдавать не спешил, да и как он их будет отдавать, если нет у него этих денег. Любил он погулять, покутить, с девками отдохнуть любил, игры азартные обожал. У такого деньги никогда не залеживаются. Жена дома причитает постоянно, вот, мол: «Я тебе наследника, а ты ни ему, ни мне, ни внимания, ни любви, ни ласки. Грубый, черствый, все время пьяный, семья впроголодь, а сам с девками кутишь, морок окаянный, зачем я за тебя пошла!».

Урою падаль, если это тот кривой, если его рук дело – брюхо вспорю и в Пустоше аргам скормлю.

Стук в дверь, резкий, неожиданный. Бумажку скомкал, в карман брюк убрал. Поднялся. Пошел открывать. На пороге все тот-же молодой с СКСом. Что на этот раз?

– Простите старнарох Лех сен Вар, с закатной башни докладывают – караван из Пустоши к нам идет.

– Караван, в такое время? Передай, чтобы готовились встречать, я сейчас подойду.

Посыльный ушел. Старший наряда охраны дверь прикрыл, быстро флягу достал, два глотка сделал, рукавом опять занюхал, флягу убрал и, взяв автомат десантный со сложенным прикладом, вышел из кабинета.

Кабинет старшего наряда охраны городских ворот, находился в служебном помещении у главных ворот Атоллы, поэтому Лех сен Вару пришлось спускаться по витой лестнице вниз и идти через всю торговую площадь, к закатным воротам. Во время Солнечной Бури, когда торговля практически останавливалась, и караваны не ходили, в городе часто отсиживались команды караванеров, не успевших покинуть город до бури. Хотя раньше многие именно сюда приезжали, чтобы бурю переждать, но в свете событий прошлых двух лет, таких желающих резко поубавилось.

Торговая площадь, располагалась между основной городской стеной и прикрывающей главные ворота передней стеной, называлась так, потому что там располагались временные перевалочные склады и ангары, в которые отгружались товары с картов сразу после прибытия в город. Иногда эти товары, даже не покидая помещений этих складов и не увидев рынка, сразу перегружались на другие карты и уходили в другие города. Иногда торговля велась так – товар пришёл, его отгрузили, продавец пошел на рынок, нашел покупателя, привел на слад, товар осмотрели, ударили по рукам, перегрузили и увезли. Иногда на биржах и по долговым обязательствам покупался товар, которого еще даже не было в городе, когда он прибывал, его сразу отгружали покупателям.

И вот, сейчас, на этой площади стояло совсем немного картов, в основном принадлежащих торговцам, живущим в Атолле, да те карты, что иногда во время бури к близлежащим копальням ходили. Была парочка небольших легких, быстрых, двухосных, одномачтовых карта, в основном используемых для перевозки денег.

Старший наряда охраны пока через площадь шёл, эти карты беглым взглядом окинул. Да совсем хреново стало, раньше яблоку негде упасть было, морок бы подрал, тех выродков, что ту резню устроили. К закатным воротам подошел, постовой на встречу.

– Докладывайте!

– Три средних, трех осевых карта с полуночно-закатного направления приближаются, зеленые сигнальные флаги на мачтах – с товаром идут, с людьми и грузом в караване все в порядке. Идут под флагами Полуночного Альянса. Через час должны подойти.

– Все оповещены, по местам стоят?

– Так точно!

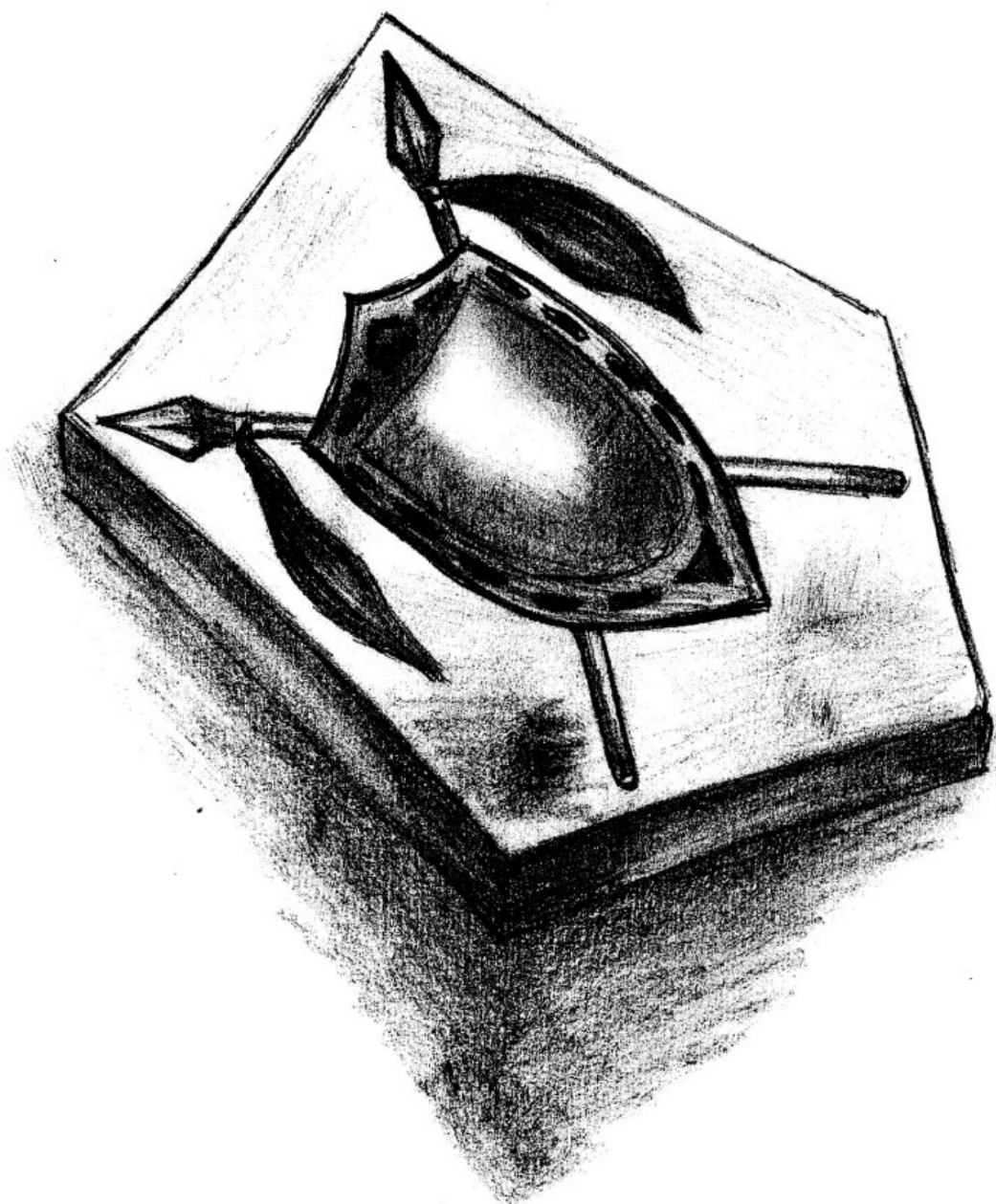
– Дегазационная команда на месте, раствор готов?

– Так точно!

– Старший оружейной комнаты на месте?

– Так точно, на месте!

– Хорошо ждем. Смотрящим вперед, глаз с каравана не спускать, поднять сигнальный голубой флаг на башне – въезд в город разрешен!

Тусклый свет жировых ламп нехотя вырывал у мрака пространство зала, заставленного столами и лавками. Мрак отступить не хотел и прятался по углам и за стойкой, жался под столами и лавками – ждал своего часа. Трактир находился в центре Атоллы, он был один на весь город. Главный вход выводил на улочку, сразу за которой располагалась базарная площадь. Улица уходила в обе стороны и каждая упиралась в постоянный двор. Над одним красовалась вывеска со скрещенными молотом и вязкой колосьев, здесь предпочитали останавливаться торговцы. Вторым постоянным двором был ближе к въездным воротам, на вывеске был изображен карт с распушенными парусами наполненными ветром, что говорило само за себя, комнаты здесь предпочитали арендовать караванеры, наемники и путники всех мастей. Цены и сервис здесь, конечно, были много ниже чем у первого двора.

Сам трактир, ожидаемо, имел вывеску с изображением бутылки и кружки, через края которой выливается хмельная пена. Занимал он два этажа – нижний основной и второй ярус с

комнатами для персонала и особыми комнатами для особых посетителей и особых целей. Выше над трактиром располагались террасы и еще три яруса построек, в которых жил люд, горожане. Здание трактира, как и большинство построек Атолла, было каменным, правда, не полностью каменным. Для кладки стен в ход шло все: камень, битые кирпичи, фрагменты железобетонных плит, сами плиты, любой стройматериал, который выкапывали копатели на месте погребенных городов прошлого. Конечно же, все привезенные камни проверялись счетчиком Гейгера, обрабатывали дезактивирующим и дегазирующим растворами и только после этого они годились для постройки. Раствор для кладки готовили сами или привозили из Полуночного Альянса. Артель Каменщиков и Химиков производила прекрасную смесь для раствора, лучшую по крепости состава в Пустоше. Но смеси производилось немного, и стоила она дорого, поэтому ею выкладывали только дома знати или укрепленные военные сооружения, остальная основная масса построек города была сложена на самодельном известняковом растворе.

Зазывно, но негромко играла музыка, мелодичные переливы расслабляли отдыхающих, создавая нужную атмосферу. Музыка лилась с прибора, который крутил черный диск, сантиметров сорок в диаметре, диск тот виниловым звался, ножка с тонкой иглой скользила по диску, а из динамика лилась приятная мелодия. Прибор был электрическим и питался от небольшого аккумулятора. Дорого было его содержать, аккумулятор стоил дорого, за диски перекупщики тоже цены ломили огромные, но он себя полностью окупал, создавая нужную атмосферу.

Трактирщик лениво расхаживал из стороны в сторону за своей стойкой. Практичный низкорослый мужчина, лет тридцать пять на вид, лысеющий, правильные черты лица, прямой нос, светлые глаза, плотно сбитый, как будто кулачный боец. Хотя та оно и было. Сан сен Гор в прошлом хорошо махался и был простым вышибалой в трактире, но не это было его главным качеством, а практичный и цепкий ум, поэтому хозяин трактира на него внимание обратил и своим трактиром управлять поставил. Со временем Сан сен Гор добился больших успехов в трактирном деле и смог повернуть махинацию, в результате которой трактир достался ему. Вообще история та была очень мутная – три года назад хозяин поехал с караваном в Полуночный Альянс за товаром. Караван к месту благополучно добрался, товар обменяли, новый погрузили, из альянса выехали и, с тех самых пор о них ни слуху, ни духу. Жена хозяина на наследство претендовать не стала и Сан сен Гор трактир забрал себе.

Резкая брага в кружке нагрелась давно. В горло не лезла, да и как ей туда залезть было? Несколько минут назад приковылял мальчишка, горбун утренний, письмо от Воеводы принес, в котором коротко было сказано, что карт, люди и припасы к выходу подготовлены. Вот так – все готово, кроме него, команды нет, вожатого нет! Голова сейчас была мыслями доверху заполнена, как из положения выходить: завтра, максимум послезавтра нужно выступать... а как? В волшебство верится слабо, ну не появятся они как из-под земли в городе! Это фиаско братан...

Дверь трактира с грохотом распахнулась, все разговоры разом стихли, все лица повернулись в сторону вошедших. Ящер и сам голову повернул, так, медленно, с неохотой, как бы одолжение делая. Ситуацию он, конечно, оценил сразу, еще боковым, периферийным зрением. Еще только дверь от мощного толчка была на полпути к встрече со стеной, воин уже оценил входящих наемников, и понял, что тревога ложная и только потом, нехотя повернулся к ним.

– ...удачно прошло, тем более Лекс обещал нам выпивку поставить!

Вместе с вошедшими влетел в трактир обрывок фразы. Шестеро наемников прошли в зал и заняли большой пустующий стол. Нос уловил крепкий запах хлорки. Не может быть!

Хлорный раствор в Атолле, да и в любом другом поселении, использовали для дезактивации, смывания с картов и одежды ядовитого и радиоактивного песка.

Гости расселись на лавках, разносчика подозвали, выпивку заказали, поесть заказали. Заказ делал невысокого роста узкоплечий наемник с острым неприятным лицом, да и вообще,

говорил пока только он один, остальные в основном скалились, кроме одного, тому, кажись, до них вообще дела не было. Стоп. В рот енот! Что это у него на плече? Да чтоб меня! Да я волшебник, разжалобил все же соплями своими духа Пустоши, раз он мне прямо здесь, прямо вот так материализовал ЕГО! Горбун, где пацан!

– Эй, малец, ходь сюда!

Позвал Ящер горбуна жавшегося в углу зала, ждущего, когда господам отдыхающим понадобится услуга какая инвалида безродного, или пока кусок хлеба ему кинут.

– Вот держи.

Сунул со стола горбуну свою хлебину Ящер. И продолжил, голоса не повышая.

– А теперь пулей в город и выясни, откуда прибыли господа хорошие. – Ящер мотнул головой в сторону шестерых вновь прибывших. – Разузнай все: кто такие, откуда, сколько их, и бегом сюда, понял?

Пацан кивнул и быстро заковылял на выход из трактира. До Ящера долетела фраза одного из гостей.

– Солнце еще над горизонтом стоит, а вы вот, в трактире бражничать собрались. Свое слово я сдержал. Данное мужчиной мужчине слово вольных трактовок не имеет, на чем условились, так и быть.

– Да нормально все, я просто пошутил. Да я сам тебя выпивкой угощу!

Как раз поднесли кружки, расставили: три кувшина на стол, тарелку с хлебами. Мясо еще готовилось.

Узкоплечий поднялся, разлил, взял кружку и в зал повернулся.

– Эй народ! Знаете, что, мы пьем за самого удачного морочьего сына, с которым мне доводилось в Пустошь ходить! Этот парень нас без единой царапины во время Солнечной Бури довел, груз и людей сберег! Пьем!

Наемники осушили кружки до дна. Голубоглазый крепыш, которого во время тоста трепал за плечо наемник, вообще не выказал ни малейшей эмоции, как сидел с кружкой в руках, так и продолжил сидеть, глядя пред собой на стол. Казалось, что эта компания ему даже неприятна, или просто казалось? Народ, посетители, посмотрев на диковинное представление, снова повернулись к своим столам, забыв о вновь прибывших, предоставив их самим себе. Принесли тарелки с мясом, расставили, вилки положили. Мясо кода, потомка коров и буйволов – самое ходовое, жесткое и невкусное, выбирать не приходилось, сочным жирным кускам вердового мяса положено было лежать на столах знати и купцов зажиточных. Верды – потомки верблюдов, но значительно меньше, с короткой шеей и густой шерстью. Мясо пригодно в пищу, молоко сытное и вкусное. Столы удачливых ремесленников и шеф-капитанов видывали сладковатое мясо мулги, потомка лошадей. Для остальных – мясо кода или птицы, жесткое и резиновое, как крышка карта.

– А ты мне сначала до жути не понравился.

Узкоплечий, уже слегка захмелевший, обращался к светловолосому пареньку. Тот размеренно жевал сухое мясо, по-прежнему не обращая внимания на гомон и шутки наемников.

– Понимаешь, я то до этого с Самом ходил пару раз, все чин по чину, а тут ты начинаешь какую-то дичь нести про гиблые места, мля...

Разлили по кружкам, свели в центре, распили. Узкоплечий обернулся, обвел хмельным взглядом зал, остановился на трактирщике, махнул рукой.

– Эй, уважаемый! Эй, я к тебе обращаюсь!

Двое вышибал, сидящих у стойки, встрепенулись, напряглись. Сан сен Гор покачал головой, давая им понять, что пока все нормально, руки на стойке сложил, оперся всем весом, посмотрел в сторону наемника.

– Слушаю тебя бродяга Пустоши!

Ласково, как отец сыну, произнес трактирщик.

– А что девки то у тебя тут есть? Что мы как бобыли тут сами сидим, зови, давай их сюда.

– Девки заждались вас в заведении напротив, а у меня здесь персонал, который вам явно не по карману будет.

Наемник хмыкнул, повернулся, занесло его рукой мимо стола скользнул, кружка и тарелка с грохотом на пол упали, вдребезги.

Трактирщик знак разносчику дал, чтобы тот прибрался. Наемники начали спорить, как дальше поступить, продолжить выпивать или в заведение напротив идти.

Горбун прихромал, к столу идет.

– Узнал. Час назад в город прибыл караван из Полуночного Альянса. Вышли две недели назад, вожатым у них Лекс, шеф-капитаном... – Мальчишка скривился, кулачком лоб потер, вспомнил. – Анд сен Ивер, пять человек охраны – все наемники. Дошли почти без происшествий. Груз: порох, оружие, солонина, спирт, вино.

Ого, кто-то хороший куш сорвал, в такой период, такой ценный груз отправить, да еще и довести, груз по истине ценный. Так, мне пока тут делать нечего, пускай господа хорошие отдыхают, расслабляются. А у меня голова ясная должна быть.

– Слышь пацан, я к себе в комнату отдыхать, как только те наемники уйдут, сразу ко мне, понял? Если тот светловолосый с ними пойдет, проследи куда пойдут и, все равно, ко мне сразу иди.

Воин, сидевший за столом слева, поднялся к выходу пошел, походка уверенная, движения плавные, выверенные. По всему видно сидел здесь давно, а кружку браги даже не допил, как только они в трактир вошли, напрягся весь, подобрался, на них время от времени косился. Ладно, поведение наемников его напрягало, они вожатого две недели напрягали похлеще, но косые взгляды воин именно на него бросал, странный тип. А вот еще предчувствие, что тебе в спину все время смотрят, привык он Пустошью воспитанный предчувствиям своим доверять, что-то будет, что-то произойдет скоро здесь. Мясо отвратительное, жесткое в горло не лезет. Вяленое и солонина за две недели странствий порядком оскомину набили, горячего с вертела хотелось, а оно не лезет, зараза. Самогон тоже не лез, хотя надо, надо в целях профилактики организм чистить после радиации накопленной во время перехода, грибами это делать жуть как неохота – побочек много, привыкание сильное, так что давай – через силу, но пей. Да и компания к выпивке не располагает, эти пятеро ему поперек горла всю дорогу стояли, а тут еще и в трактир компании другой идти не оказалось.

Вспомнилась дорога сегодняшняя, поломка рессоры, починка, переход через холмы, старик молодец – осилил, держался до последнего. Сделал все как надо, точно как вожатый говорил, отчего и пришли засветло, паруса убрали, ручной тягой карты в город завели. Ручная тяга – специальный движитель, с помощью которого карт без парусов приводиться в движение, чтобы можно было на нем зайти и выйти из города, скорость передвижения при этом крайне мала.

Карты в ворона завели, за приемным послали.

Раньше в караване всегда ездил человек отвечающий за груз, им ведающий и его на рынке по прибытию продающий. Но потом решили что это лишнее и крайне неудобно, поэтому крупные постоянные грузоотправители в ключевых местах торговли посадили своих людей – приемных. Задача тех была встретить свой караван, груз у шеф-капитана принять, рассчитаться с командой и наемными, да потом на рынке груз реализовать. Эти же приемные снаряжали обратные караваны и караваны с деньгами, за вырученные грузы, перевозящие их для торговцев и грузоотправителей. Пока приемного и амбарного ждали, карты расставили, хлорным раствором провели дезактивацию техники и одежды людей, смыв ядовитую радиоактивную пыль Пустоши.

Прибывший приемный бегло осмотрел технику и упакованный груз, остался доволен, приказал груз раскреплять и на склад под опись разгружать. На этом работа вожатого и наем-

ников была окончена, поэтому с ними сразу на месте произвели расчет за оказанные услуги. Обычно наемники со стороны нужны были только чтобы караван провести, а внутри поселения нанималась своя охрана, имевшая право на ношение автоматического и крупнокалиберного оружия внутри поселения, право такое следовало оформлять отдельно, загодя, и у Воеводы или его заместителя заверять. Этим правом так же были наделены воины, состоящие на службе в поселении. Для всех остальных закон предписывал все автоматическое и крупнокалиберное оружие, а так же взрывчатку сдать под опись в оружейную комнату у въездных ворот, сразу по прибытии в поселение. При себе внутри поселения разрешалось иметь короткоствольное не автоматическое личное оружие и ножи. При отбытии из поселения оружие возвращалось владельцу.

Картор-караванеры, а также мастер-помощник и шеф-капитан остались, им еще предстояло груз под опись приемному разгрузить и сдать, и только после этого, их работа считалась выполненной и с ними производили окончательный расчет за оказанные услуги. Дождаться их Лексу резона не было, поэтому сдал оружие в оружейную комнату, он направился в трактир, но так как тот в городе был один, наемники увязались следом, направляясь туда же. Пока вожатый сидел в мысли свои погруженный, наемники стали собираться к выходу, видимо все же решили идти в заведение напротив, с красной вывеской над входом. Что ж это к лучшему, как трещит голова, одному побыть самое то.

Хлопнув вожатого по плечу напоследок, Ворон и вся его шумная компания покинули трактир. Как приятно вот так просто в одиночестве посидеть, прогнав мысли из головы просто отдаться воле мелодичных перекатов. Позволить им увлечь себя туда, далеко, в то прошлое время, когда люди, написавшие эту музыку, гуляли по зеленому лесу, слушали пение лесных птиц, черпали чистую воду из горных рек, резвились как дети в прохладной воде луговых озер.

Среди воздуха наполненного музыкой и крепким запахом самогона, перемешанным с запахом пережаренного мяса с луком, нос уловил тонкий аромат пряного масла и лаванды.

– Приветствую путник, не против, если я составлю тебе компанию?

Легкий, тонкий голосок с высокими нотками вырвал вожатого из плена шумной зелени, укрытой голубым небом. Какого морока... вожатый раздраженно повернул голову на голос. Среднего роста, худощавая, узкие бедра, плоская грудь. Левая рука небрежно вдоль тела повисла, правая в кокетливо выставленное бедро упирается, серебряные кольца тонкие длинные пальцы украшают.

Слово «нет», в горле застряло, жаром в затылке отдавало, вниз к животу спустилось, голова непроизвольно коротко кивнула. Женщина опустилась на скамью напротив, платье легкое, вырез глубокий на груди, та сплошь родинками усыпана – прям карта звездного неба. По такой караваны водить можно без компаса! Рука на столешнице покоиться, вторая кулачком тонкий подбородок подпирает, тонкие губы, слегка впалые щеки, кудри, высокий лоб обнажив, длинными локонами на плечи спускаются, тонкую шею закрывают. Черные брови вразлет карандашом подведены, глаза, карие, глубокие...

– Виолетта.

Коротко представилась девушка. Красивое имя, сколько же ей? Двадцать три, двадцать пять? Какая разница.

– А ты немногословен, ты с девушками всегда такой робкий?

Вожатый коротко головой мотнул, не в силах слова вымолвить, продолжая утопать в глубокой темной бездне глаз напротив.

– Понятно.

Виолетта из стоящего кувшина в две кружки разлила.

– Выпьем вожатый, за наше знакомство, за твою кротость и лихую удачу.

Кружки над столом свели, выпили. Как в вязком молоке все происходило, движения плавные, скованные, ватные. Горячая жидкость горло ожгла, из ватного состояния вырвала, закашлялся.

– Да не спеши ты так, на вот, закуси. Полегчало?

– Откуда ты знаешь?

– Что знаю?

– Ну, ты про удачу говорила.

– Тоже мне новость, весь трактир об этом знает, твой друг за тебя тост поднимал.

Друг! Вожатого аж перекоробило.

– Когда мы вошли, и когда он тост говорил, тебя в зале не было.

– Верно, не было. А ты наблюдательный, я наверху в комнате была, но он так орал, что его наверно и в Пустоше слышно было.

Виолетта руки на столе сложила, вырез на груди хорошо видно стало. Вот Созвездие Близнецов, Млечный путь, Кассиопея, Альтаир, Вега, Денеб, Малая медведица, а где же Полярная звезда подевалась? Не видать, платьем прикрыта. Стало быть, она из персонала дорогого, о котором трактирщик Ворону говорил. Значит, это его взгляд я спиной чувствовал, выжидал он значит, когда ко мне девчонку звать можно будет. Понятно.

– Если бы не знала что сейчас Солнечная Буря, то в жизни бы не поверила в твою птицу на синем фоне. – Девушка кивнула на нашивку на плече у вожатого. – Молод ты слишком для нее, однако же, ты здесь, значит, это правда. Скажи, как вы это делаете?

– Что делаем?

– Ну, караваны через бурю водите, что еще!

– Я не знаю в чем секрет остальных, за них говорить не могу, я знаю, как это делаю я.

Виолетта подобралась вся, готовая слушать. Ей это и вправду интересно, или это такой ритуал, часть ее работы?

– Все дело в небе.

– Что? Это как? Оно во время бури какое-то особенное?

– Да нет, оно такое, как и всегда. Дело в звездном ночном небе.

По выражению лица девушки вожатый понял, что она запуталась. По-видимому, все же всерьез пыталась его слушать.

– Я думала, караваны ночью не водят.

Растеряно произнесла она.

– Так и есть – не водят.

– Опасно?

– Не водят скорее потому, что ветер ночью спит, а не потому, что опасно.

– Причем тогда карта ночного звездного неба?

– Просто я могу ее видеть даже днем.

– Кого видеть?

– Карту. Понимаешь, я могу при свете дня видеть звезды, вижу их на своих местах, так же отчетливо, как ты их видишь ночью.

Лицо девушки застыло, не меняясь в выражениях, она что-то пыталась осмыслить.

– Ты мутант?

С испугом, наконец, произнесла она.

– Никакой я не мутант!

Вожатого задело такое безапелляционное заявление красавицы.

– Просто дар у меня такой, работа у меня такая, мне это ремесло по наследству отец передал, всему обучил. Я выучил все созвездия, сезонные движения звезд, знаю розу ветров в любом уголке Пустоши, я знаю о Пустоше все. Знаю все о солнце, о его движении, знаю все о луне, о нашей планете, но не просто знаю, я понимаю, как они все вместе взаимосвязаны.

Дверь в трактир открылась, в зал вошел посетитель среднего роста, плотного телосложения, одет в военные ботинки, военные штаны и куртку с множеством петель и карманов, нашивка воина на плече. Не задерживаясь в дверях, он сразу направился к столу, за которым сидел вожатый. Вот морок...

Отгрузка товаров была закончена, все согласно описи загружено на склад, все люди были измотаны до предела, под конец выгрузки карторы ходили, еле ноги передвигая. Для ускорения процесса выгрузки приемный задешево нанял городских нищих, но они народ крайне ненадежный, за которыми нужен глаз да глаз, поэтому полукольцом вокруг разгружаемых картов стояли наёмники кто с автоматами, кто с дробовиками в руках. И все равно рабочих рук было крайне мало, выгрузку и проверку закончили глубоко за полночь. Приемный произвел расчет с картов-караванерами, мастер-помощником и уставшим до крайности шеф-капитаном, после чего амбарный низкий полный молодой мужчина, закрыл двери склада на большой навесной замок и опечатал его.

Народ начал разбредаться, растворяясь в кривых улочках и переходах Атолла. Многие, конечно, отправились арендовать комнаты на ночлег к постоялому двору. Но были и те, кто хотел сэкономить, для таких бережливых всегда в городе готовы были сдать свои комнаты местные жители. Объявления о сдаче комнат на ночлег и как их отыскать всегда размещались на большой доске объявлений прямо на базарной площади, туда потянулось изрядное количество прибывших в город людей с жировыми фонарями в руках. Городские нищие тоже пошли по своим делам на ночлег устраиваться, место укромное искать. Нищих на выходе из ворот досмотрели наемники, державшие полукольцом оцепление. Нищий, он на то и нищий, что нет у него ничего, поэтому он всячески пытается что-то раздобыть, зачастую украсть. Досмотрели тщательно, а по головам пересчитывать не стали, кому они нужны, да и кто помнит, сколько их сюда пригнали, всю ночь работать за пару серебряных квадратов.

За работой людей неустанно наблюдала тьма, притаившаяся вдоль стен, между стоящими картами, скопившаяся под ними. В эти места не проникал свет от ночных двадцати четырех вольтовых ламп городского освещения, ламп было слишком мало, освещать улицы и площадь ночью было дорого. Люди разошлись. Пусто стало вокруг. По грузовой площади, мимо оставшихся на ночлег и уснувших картов, иногда неспешно прохаживались постовые, несущие вахту у главных ворот. Попасть на грузовую площадь можно было только через главные ворота, мимо охраны, других выходов сюда не было. В обычное время главные ворота на ночь не закрывались, достаточно было охраны возле них. За последнюю историю Атолла, после набега Демоннов Пустоши, эти ворота закрывались всего дважды – в прошлом и позапрошлом году, во время драматических событий в период Солнечной Бури. Днем проход через посты у главных ворот был свободный, в ночное время по специальным верительным бумагам, подтверждающих право человека здесь пребывать в означенное время. В основной массе такие бумаги давались приемным и торговцам, получающим груз, амбарным да еще некоторым клеркам меньшего звена, могущим по долгу службы и торговли, по деловой нужде здесь оказаться.

Тьма выждала еще пару часов, после того как работавшие люди покинули грузовую площадь. После от нее отделились две длинные тени. Тени направились к опечатанному амбару, одна тень бесшумно, лезвием тонкого ножа поддела печать, убрала в сторону, принялась куском кривой проволоки в замке ковыряться. Вторая тень настороженно озиралась по-сторонам. Стоп – патруль. Обе тени бесшумно нырнули во мрак под стоящий рядом карт и растворились в нем. Патруль, один вооруженный СКСом молодой воин парнишка, неспешно прошел в направлении закатных ворот. Тени снова вынырнули из мрака, вернулись к замку, тихо вскрыли его, беззвучно просочились в щель приоткрытой амбарной двери, осторожно прикрыли ее за собой.

Отошли от двери на несколько метров, тихо, осторожно ощупывая пространство вокруг себя, чтобы не упасть и не наделать шума. Достали из карманов по большой колбе, встряхнули, пошла химическая реакция, колбы засветились тусклым голубым светом, освещая пространство возле себя на пару метров тусклым еле различимым светом. Тусклый свет выхватил из мрака силуэты двух людей, одеты в обноски и рванину, как бездомные. Капюшоны глубокие на головах, лица платками повязаны, у одного, даже так, явно видны следы язв и ран гнойных. У второго одно плечо выше другого.

– Одну метку я точно видел на бочке с солониной, вторая наверняка на тюках с оружием должна быть.

– Тогда ты ищешь ту, что видел и аккуратно достаешь товар, а я займусь второй.

Разошлись в стороны. Уложенные ровными рядами тюки и бочонки с товаром обходили неспешно, внимательно осматривая каждый тюк и бочонок, не найдя нужной метки, переходили к другому. Наконец, тот, который с язвенным лицом, остановился у пластикового бочонка сбоку у которого еле видно краской был нанесен знак – три линии, вертикальная и по бокам две наклонных, все сходятся в одной точке. Бочонок стоял во втором ряду, на нем еще два ряда сверху. Язвенный положил колбу на соседние бочонки с товаром, принялся бочонки верхних рядов аккуратно снимать и ставить рядом на пол. Достав нужный бочонок, он ножом аккуратно поддел крышку, закрывающую его, снял ее, рядом положил. Внутри было уложено мясо, нарезанное длинными ломтями и залитое рассолом. Достал несколько ломтей, на крышку от бочонка сложил, снова руку опустил в рассол, извлек металлическую коробку, размером примерно с силикатный кирпич. Снова руку опустил в рассол, извлек еще одну коробку, за ним еще одну. Из кармана тряпку грязную достал, коробки отер, солонину на место вернул, крышку закрыл, пол от пролитого рассола протер. Коробки в тряпку замотал, бочонки на место вернул, все три ряда. Колбу со светом взял, поноску тряпочную с пола подобрал и за кривым отправился.

Кривой тем временем осмотрел половину тюков с оружием, но нужного, с меткой пока не нашел. Бесшумно подошел язвенный, поноску показал, кривой кивнул, пошли дальше вместе искать метку. Нашли, почти в самом конце, внизу. Верхние ряды аккуратно сняли, вдвоем, помогая друг другу. Достали нужный тюк, кривой ножом срезал веревку, обвязывающую его, убрал ее в карман, размотал мешковину. Язвенный, фонарем-колбой своей и кривого, сверху подсвечивал. Внутри лежали смазанные четыре АКСУ, два АКМа, десяток ПМов, шесть револьверов, сверток с шестью РГД-5 и запалы к ним, по два десятка магазинов к автоматам и пистолетам. Кривой взял у язвенного колбу, внимательно осмотрел оружие, отложил два АКСУ, один АКМ, четыре ПМа на которых были особые метки – значит, оружие в хорошем состоянии, не подведет, не заклинит. Взяли шесть магазинов к автоматам и восемь магазинов для ПМов, гранаты все забрали. После чего остальное оружие обратно в мешковину аккуратно замотали. Новой веревкой, точной копией той, которую срезали, перемотали, даже узлом одинаковым завязали. Тюки на место уложили, так как они лежали до этого. Кривой из-за пазухи извлек мешок с ляжками, в него оружие аккуратно сложили. Мешок туго перемотали, убедились, что все плотно лежит не звякнет ничего. Пошли к выходу.

Дверь очень медленно приоткрылась, щель совсем маленькую образовав. Кривой осмотрел площадь – чисто, патруля нет. Приоткрыл дверь больше, в проем юркнул. На улице присел в тени, еще раз осмотрелся – никого, знак дал язвенному, тот ему мешок с оружием подал, потом поноску, сам тихо выскользнул. Дверь прикрыли, замок на место навесили, замкнули, пломбу аккуратно на место приладили. Пригнувшись, прошли вдоль картов, дошли до нужного и юркнули под него, себя к раме снизу, заранее заготовленными там веревками, подвязали. Остались утра дожидаться.

Недолго уже осталось. Горизонт вдалеке начинал окрашиваться светлым. Где-то в Пустоши завывал песчаный волк арг.

Вошедший воин подошел к столу, на вожатого посмотрел. Взгляд доброжелательный, что бы это значило? Потом на Виолетту взгляд перевел – глаза пустые без выражения. Девушка на звук шагов голову повернула, глазами с незнакомцем встретилась, глаза загорелись, искорки запрыгали, ритм дыхания на секунду сбился, замерло звездное небо, затаилось. Всего на миг. Знает его, приятные воспоминания он в ней пробудил. Клиент или старый знакомый?

– Не откажешь?

Вопросительно на вожатого посмотрел, указывая рукой на место за столом напротив. Явно не из праздного любопытства подсесть решил. Эти двое знакомы – совершенно точно. Значит, тот гарантированно знает, чем девчонка на жизнь зарабатывает, значит, понимает, что в дело чужое влезет, испортить может. Что это означает? Ровно одно – дело серьезное, отлагательств не терпящее. Значит, опять в Пустошь собираться придется. Хотя может, отошью его, и всего делов-то.

Приглашения не дождался, сам уселся, девочка подвинулась. На нее поглядел, улыбается, а глаза холодные.

– Извини детка, но твоего приятеля я у тебя заберу. Ты погуляй пока, нам поговорить нужно.

Встала, взгляд короткий бросила, ушла. Нет, такого просто так не отошьешь. Черные волосы зачесаны назад, карие глаза, высокий лоб, впалые скулы, щетина двухдневная.

– Ящер.

Коротко представился, руку тянет.

– Лекс.

Пожали руки. Вот морок, вот это силище! У воина ладонь маленькая, никогда бы не подумал, что в таком небольшом крепыше столько силы может быть. А ты не так прост, далеко не прост. Хорошо послушаю, что там у тебя?

– Хорошая девочка. – Ящер кивнул за спину вожатого в сторону прохода на второй этаж. – Рекомендую.

Вот оно, понравилась девочка вожатому, молодец держится хорошо, никак эмоции не выказывает, а глаза блеснули, коротко, мимолетно, но на фразу отреагировал. Трудно такого будет уговорить.

– Давай сразу к делу, устал я с дороги, отдохнуть хочу.

Вожатый постарался принять самое безразличное выражение лица, на лавке небрежно развалился.

– Давай выпьем сначала, за знакомство. Это закон – за хорошее знакомство всегда выпить полагается.

Воин по кружкам разлил, свою кружку поднял, по кружке вожатого ударил. Залпом выпил, из тарелки вожатого хлеба кусок взял, зажевал. Лекс пригубил слегка, не лезет. Тип этот наглый напрягает очень сильно, только от Ворона отделался, как сразу другой его место занял. Что же вам всем так нужно обязательно кому-то в душу нагадить?

– Эй, разносчик!

Подошел парнишка лет четырнадцати, с виду вполне здоровый, может сын трактирщика? Лекс к нему обратился.

– Что у вас из недорогого пожевать есть, ну чтоб прям самое дешёвое было.

– Солонина, острыми травами приправленная и хлебцы из ковыши – плевые травы ковыльной.

– Годится, неси только побыстрее. И кружку отвара травяного захвати.

Воин смотрел на происходящее с непониманием. Подобрался, пора к делу переходить. Снова разлил. Вожатый почти не пил, сидел трезвехонек, так не пойдет. Снова по его кружке ударил.

– За твою удачу, вожатый Лекс.

Кружку опрокинул. Снова хлеб у Лекса потянул.

– Причем тут удача, достали вы все уже, это ремесло и точка.

– Ладно, не серчай, слушай...

Подошел парнишка разносчик.

– Солонину, вон господину воину, пожалуй, больно он проголодался, как я посмотрю, а отвар сюда давай. Остальное все можешь забирать, да и самогон тоже, надоело за удачу всякую добро переводить.

А парень-то с гонором! Молодец, так мокнуть! Ладно, и в правду – хватит реверансы с ним разводить.

– Мне вожатый нужен, прямо сейчас, даже не мне, а самому Воеводе.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Говорю – хорошо, а дальше то что?

– Дальше я тебя нанять хочу, деньгами не обижу.

– Я деньгами и так не обижен.

Воин вперед подался, тарелку солонины в сторону отодвинул, наклонился через стол к Лексу.

– У Воеводы беда с сыном приключилась, пропал, нужно на поиски идти, а вожатых в городе нет.

– Может, не искали?

– Сам лично сегодня весь город оббегал, нет подходящих, а тут ты как раз.

– Ящер, ты караванами когда-то дальними ходил?

Лекс внимательно посмотрел на воина, тот назад снова откинулся.

– Было дело. А спрашиваешь к чему?

– А во время Солнечной Бури?

– Во время бури нет.

– Спрашиваю к тому, что ты знать должен, а если не знаешь, то я тебе сейчас подробно объясню.

Вожатый отвар из чашки надпил, задумался.

Скрипнула входная дверь, в зал трактира вошел толстяк, лет двадцать пять на вид, на обе ноги прихрамывает. Тот самый, который амбар открывал. Значит, выгрузка закончена, отметил про себя Лекс. Амбарный трактир взглядом обвел: парочка изрядно выпивших карторкараванеров, троица из кузни, сталелитейщики: четверо за одним столом, еще двое за другим столом. Странная парочка воин и вожатый, оба незнакомые, не видел их никогда, может с караваном прибыли. Двое вышибал возле стойки – коренастые, сбитые, наголо выбритые. У обоих парней татуировка похожая – какая-то вязь от левого уха по шее вниз к плечу спускается. Вот и трактирщик, собственной персоной. А ее в зале нет. Подошел к стойке.

Вожатый снова на воина взгляд перевел.

– Во время перехода, особенно через бурю, организм накапливает изрядное количество радиации, которая, в свою очередь никак не способствует дальнейшей здоровой и радостной жизни.

Воин на спинку лавки откинулся, понятно значит, уперся окончательно парень.

– После таких переходов организм надлежит хорошо почистить, перед тем как опять в Пустошь соваться. Я только что вернулся из двухнедельного перехода, а ты мне предлага-

ешь сразу назад. – Парень вперед наклонился. – Так что свои квадраты можешь засунуть себе плашмя, сам догадаешься куда.

Наглец, нарываясь. Толстяк у стойки кружку допил, за вышибалой наверх пошел. Ого, да он сюда за девочкой пришел! Кто бы подумал. Интересно, а как у него это вообще получается?

– Деньги не мои, а Воеводы.

– Да что ты мне заладил Воевода, Воевода, у меня в поселении свой имеется, ваш мне не указ, так что идите вы оба к морокам.

Ящер вздохнул, лениво, наигранно по сторонам головой поводил, руки на столе сложил, вперед подался.

– Вижу, ты упорно в непонимание продолжаешь играть. Давай, тогда я тебе все по полочкам разложу. А когда закончу, ты уж сам решай – дальше изговосха дремучего из себя будешь изображать, или над предложением подумаешь. Сразу скажу – день за три оплачивается.

Вожатый бровь удивленно поднял, но интереса по-прежнему не выказывал. Воин ближе придвинулся.

– Две недели назад сын Воеводы в охране каравана ушел, за рудой к дальней копальне, что к восходу в сторону Диких Земель. Ходу пару дней пути к той копальне, вернуться должны были дней пять назад, но не вернулись.

– Задержались, поломка, всякое бывает – это Пустошь. Воевода что такие экспедиции каждый раз снаряжает, когда караван задерживается.

– Я же говорю сын там его.

– Сыну сколько? Пять, шесть лет, он беспомощный что ли, раз ему сразу на помощь нужно всем табором мчаться? – Воин голову вниз опустил, усмехнулся. – Я уже в этом возрасте на недельные переходы с отцом ходил, никто не дергался дома, когда задерживались.

– Ты про прошлогодние нападения слышал?

Вот оно что! Значит, не просто караван пропал, значит, думают, что повторение случилось. Выходит, не за рудой пойдем, не просто на поиски, может и посерьезней заварушка быть. Тогда понятно, почему такая оплата щедрая. Ладно, продолжай.

– А теперь прикинь варианты. Первый – ты соглашаешься, мы находим пропавший караван, ты нормально зарабатываешь. Сможешь взять себе длительный отпуск, организм восстановит, пару жен купить, еще и останется.

Ящер хищно улыбнулся. Поганая улыбка, как у Ворона, когда тот в полное бешенство впадал, и не слышал никого.

– Вариант второй – ты отказываешься. Караван никуда не уходит. Сына Воевода не находит, дознаётся по чьей вине караван не смог уйти, и тогда, поверь, ты забудешь навсегда про своего Воеводу, в своей дыре аспидовой. Наш Воевода станет тебе таким родным, он на тебя всю свою нерастраченную отеческую любовь спустит, которая сыну его пропавшему причитаться должна.

Ящер замолчал, на спинку откинулся, руку левую вдоль нее положил, довольный собой, за реакцией вожатого следит.

Горазды вы пугать, Ворон, вон тоже шкуру все обещал спустить. Кстати, пора бы отсюда уже и убраться отдыхать, а то сейчас морок припадочный, за добавкой вернется, двоих вас я не выдержу.

– Ладно, ты подумай. Крепко подумай. А завтра давай условимся – здесь за завтраком встретиться, скажешь о решении своем.

Ящер встал, из-за стола вышел, к вожатому с боку подошел, руку на плечо положил, к уху наклонился и шепотом вкрадчиво произнес.

– А к Виолетте загляни, не пожалеешь.

Развернулся и, довольный собой, вышел из трактира.

Спустился с крыльца в мысли свои погружённый – согласиться, никуда не денется, парень практичный, рассудительный, деваться ему некуда, я все верно просчитал.

Сделал пару шагов, плечом сильно с кем-то столкнулся.

– Ну ты чё дядя, зенки залил, совсем не видишь куда прешь?

Голос пьяный протяжный, одобрительный быковатый гогот слева и справа. Кто это там? Посмотреть даже не успел – удар, искры в глазах, тупая боль, темнота. Я что удар пропустил? Старею, отвлекся некстати.

Шаги, справа, метрах в четырех – обходит. Так свет дали. Что это? Брусчатка битым камнем мощенная, городской пылью припорошена. Ботинок, правый, капли какие-то на нем, вот опять, капля упала. Кровь? Ну, точно нос разбит, на колено правое опираюсь, левое в брусчатку уперто, рука левая тоже в брусчатку упирается для равновесия, правая на колене. Все нормально, огоньки прошли, голова ясная.

Стою пока, нокаутированного изображаю, варианты нужно прикинуть. Зря ты так, мог бы просто поговорить, я ведь контуженный – хана тебе теперь. Звук знакомый – шшшш, сталь по коже дубленной скользит. Нож! Голову поднял – узкоплечий наемник в плаще напротив ножом пируэты выписывает, сам пьяный, а пируэты как лихо выводит, да и удар резкий, хлесткий – навыки точно поставлены, не пропьешь. Рядом еще один слева, без оружия, далее налево еще двое, девку между собой тискают, эти вообще не при делах, этим только поглазеть. Погоди, в трактире их пятеро было. Шаги справа были, значит еще один там, не вижу его пока.

Нет, ребята, по-честному махаться с вами не вариант, у вас был выбор – извиниться и просто уйти, продолжить пить, а так...

Покашлял, для отвлечения внимания, рукой за грудь взялся.

– Кончай его, Ворон.

Рука незаметно подмышку слева скользнула, в потайном кармане ПМ, патрон в патроннике, предохранитель выключен – старая привычка. Рука вперед пошла, левая подхватила сбоку, пережат – корпус назад на левую ногу переместил, правая почти прямая, выжал спуск, знакомый, приятный толчок в руку. Раз, два подряд глухих коротких хлопка, время замедлилось – видно было, как медные цилиндры вспарывают ткань плащей на груди остролицего и того, который слева стоит, гримасы удивления медленно на лица наползают, ноги вниз пошли, в коленях подкашиваются. Тот, что слева, рукой зачем-то дернулся. За стволом полез, или просто в бок зачесалось – какая разница не резон уже выяснять было, вот в него, за компанию, пулю и всадил.

Толчок ногами вперед и вбок, рыбкой, с линии огня уйти. Через плечо на спину перекатился. Левая нога под себя, сел, правая вперед, руки с пистолетом вверх пошли. Ввввжик. Вот морок рядом, возле самого уха пролетела! Успел все-таки выстрелить тот, который был справа. Мне сегодня уже дважды повезло, так можно свой лимит везения исчерпать, пора заканчивать. Раз, два подряд глухих коротких хлопка, толчки в ладонь. Наемник напротив, как стоял с револьвером в вытянутой руке, так мордой о мощеную улицу и плюхнулся.

Все, время снова нормально пошло. Развернулся на месте, на ногах – пережат, корпус на правую перенес, левая согнутая вперед. В картине прицела, один из тех двоих, которые девку тискали – правый. Левого видно хорошо, ПМ его не перекрывает. Эти вообще ничего понять даже не успели, стоят с идиотскими улыбками застывшими на лицах. Девка, вообще непонятно куда смотрит. Она вообще в сознании присутствует?

Вот, доходить начало, улыбки начали сползать, тот, который в прицеле посообразительнее товарища – руки вверх поднимать начал. О, второй очухался, тоже поднимает, может инстинкту стадному следует, а может тоже дошло до него. Девка заорала во весь голос, пискляво, противно – в сознании оказывается. Эти двое даже не дернулись, молодцы! На ноги поднялся, левой рукой по пути быстро из кармана магазин свежий достал. Стоят не дергаются.

Магазин в пистолете быстро сменил. Свисток вдалеке, патруль стрельбу услышал, скоро будут здесь.

Разгружали долго, принимали, проверяли, записывали, люди устали, измотались. На шеф-капитане, вообще лица не было, серый был, темнее тучи. Амбарный тоже должен был устать нещадно, но нет, как второе дыхание открылось. Может ночь освежала, после дневной жары, а может мысли о предвкушении похода в трактир. Он уже все для себя решил.

Выгрузка окончена, расчет с командой произведен, все потянулись в город в поисках ночлега. Приемный и амбарный задержались дольше остальных, еще раз обошли склад, убедились, что все в порядке, ударили по рукам, произвели расчет. Сумма приличная опустилась в карман амбарного, весом приятным его оттянула. Сверху легло немного – комплимент от грузоотправителя, а вот это весьма кстати. Из основной суммы деньги взять нельзя, мегера с папашкой все прознают. А об этих комплиментах они не подозревают, вот на них можно спокойно в трактире отдохнуть. Вместе с приемным и его личным охранником в город пошли, на развилке попрощались.

– Дело у меня еще одно есть, недолгое, но лучше меня не дожидайся, сам доберусь.

Амбарный попрощался с приемным. Руки друг другу пожали. Разошлись. Амбарный постоял немного, подождал пока в темноте улицы растворятся силуэты приемного и его телохранителя. Затем налево свернул, к трактиру пошел.

В трактире было не многолюдно, все как всегда – жировые лампы коптели, огни пламени устроили дикие пляски с потьмой. А может то не танцы, может все же бой извечный, кто кого, кто сильнее? Пламя мерцало в фонарях, то ярко вспыхивая, тьму вокруг по углам разгоняя, то жалось к самому низу, к горелке, пыталось залезть в нее, спрятаться.

Амбарный обвел взглядом зал. Парочка изрядно выпивших картор-караванеров, троица из кухни, сталелитейщики: четверо за одним столом, еще двое за другим столом. Странная парочка: воин и вожатый, оба незнакомые, не видел их никогда, может с караваном прибыли. Двое вышибал возле стойки – коренастые, сбитые, наголо выбритые. У обоих парней татуировка похожая – какая-то вязь от левого уха по шее вниз к плечу спускается. Вот и трактирщик, собственной персоной. А ее в зале нет. Подошел к стойке.

– Доброй ночи уважаемый Сан сен Гор!

Поприветствовал трактирщика амбарный.

– И тебе здравствовать Сэмэ.

Вообще без эмоций, буднично проговорил трактирщик. К краю стойки подошел.

– Чего налить? Квас холодный есть. Есть брага, резкая, холодная – рекомендую. Или, может тебе чего покрепче?

– Квасу налей.

Трактирщик пожелание клиента выполнил. Сэмэ к кружке приложился. И вправду, квас холодный, ржаной, о духи Пустоши, какое же это блаженство!

– Скажи уважаемый Сан сен Гор, а Виолетта сегодня занята?

Тихо, вкрадчиво произнес амбарный. Трактирщик посмотрел на него, потом за спину амбарного в зал заглянул. Сэмэ машинально проследил по направлению взгляда трактирщика, тот смотрел на парочку – воин и вожатый, которые о чем-то увлеченно говорили, на других внимания не обращая.

– Похоже, что уже свободна. – Произнес трактирщик. Снова переведя взгляд на амбарного. – Мика, проводи нашего гостя дорогого, наверх к Виолетте.

Мика, один из сидевших у стойки вышибал, поднялся со своего стула. Сэмэ залпом осушил кружку с квасом. Пошел наверх, вслед за охранником. Поднялись наверх, в коридоре

царил полумрак, пламя жировых горелок едва разгоняло темноту, оно явно проигрывало в этой схватке. Дошли до нужной двери, хлипкая дверь из листа какой-то древесины, непонятной структуры – волокна расположены хаотично, друг поверх друга, навстречу, поперек – что за странное дерево? Из щелей двери лился мерцающий тусклый свет. Мика постучал в дверь.

– Виолетта, к тебе посетитель.

– Пусть заходит.

Раздался из-за двери приглушенный знакомый нежный голос. Мика дверь открыл, отступил в сторону, пропуская амбарного. Сэмэ вошел в комнату, дверь за ним тотчас закрылась. До него донеслись звуки, удаляющихся по коридору, шагов вышибалы. Она сидела у тумбочки с небольшим зеркалом, легкое длинное платье на ней, вырез на спине черными локонами волнистыми прикрыт, запах пряного масла и лаванды. Перед глазами поплыло, голова закружилась. Женщина развернулась на стуле, глаза удивленные. Разочарованные? Она явно ждала кого-то другого.

– Здравствуй, Виолетта.

Девушка встала, ближе подошла, под руку амбарного взяла.

– И тебе привет Сэмэ, давно тебя не было, где ты пропадал, дела?

В комнату провела, на кровать усадила.

– Да, дела...

Робко ответил амбарный.

– Не узнаю я тебя. Обычно я тебя слушаю, а ты все говоришь и говоришь, что же ты сегодня молчишь?

– Сегодня я не хочу говорить.

– Правда, а чего же ты хочешь?

В уголках глаз Виолетты блеснули задорные огоньки.

– Я, я тебя хочу!

– Вот как, изголодался бедный. – Девчонка игриво улыбнулась. – Подожди, не спеши.

Руки его с бедер сняла, рубаху расстегивать принялась. Через голову стянула, Сэмэ помог.

– Штаны сам снимай.

Сказала она. Сама в другой угол комнаты к комоду пошла. Взяла небольшой таз, воды налила, масла ароматного туда влила. Вот морок, от меня же воняет, что ж я забыл совсем! К кровати подошла с тазом и тряпкой в руках, на пол поставила, тряпку намочила. Выжала. Стала Сэмэ обтирать. Плечи, грудь, спина. Снова намочила, выжала. Плечи, грудь, живот. Влага с тряпки по коже текла, горячим потоком обжигая. Вниз. Внизу живота закипало, готовое взорваться. Пеленой глаза заволакивает, руки нежные по груди, по животу гладят. Губы горячие щеки коснулись, снова, голову повернул, губы встретились, мокрые горячие, страстные.

Руки тонкие в плечи уперлись, толкнули, назад повалился на спину. Девушка платье через голову стянула, на стул слева бросила, кожа белая в мерцающем пламени горелки, ноги тонкие стройные, коленки выступают, талия узкая, живот впалый. Худая, соски торчат, груди маленькие, родинками усыпаны, плечи хрупкие, черные локоны на них покоятся. К кровати подошла, сверху на бедра амбарного села, амбарный руками ноги гладил, выше поднимался. По талии заскользили, выше к груди, в ладошках сжал, под мышками провел, на спине остановился. Девушка наклонилась, локоны по лицу рассыпались, дыхание горячее напротив, губами его губы нашла, страстный горячий поцелуй. Поцелуй долгий, спина выгнулась, рука вниз живота скользнула, направила, горячим снизу обожгло. Движения плавные, назад откинулась. Движения стали быстрее, голову назад закинула, локоны черных волос ног коснулись. Стон. Пламя в горелках тоже забило, затрепыхалось, в такт, подстраиваясь. Искры с горелок спрыгнули, на соках замерцали. Быстрее, стон, еще быстрее, стон сильнее, только не останавливайся, уже...

Два коротких хлопка с улицы, почти сразу грохнуло сильнее, снова два хлопка. Что это? Пронзительно, пискляво закричала женщина, внутри все похолодело.

Девушка замерла, Сэмэ не понимал что происходит.

– Что это было?

Хриплым голосом спросил он.

– Стреляли, похоже.

Девушка поднялась, таз взяла, пошла к комоду. Округлые будра, тонкая спина, позвонки видно.

– Кто стрелял, где?

Амбарный так и продолжал сидеть на кровати. Виолетта воду поменяла, стала себя обтирать, потом платье одела, поправила.

– Почему я знаю кто. Перед трактиром стреляли.

Перед трактиром. Это же совсем рядом, это же... а если бы... Сэмэ затрясло от страха. Свисток, глухой, вдалеке. Патруль услышал выстрелы, скоро будут здесь.

– Не бойся, все хорошо, нам ничего не угрожает. Слышишь? Патруль сейчас будет здесь.

Амбарный повернул голову, лицо девушки было абсолютно спокойным, как будто ее это ни капли не волновало. Как же он должно быть гадко сейчас выглядит в ее глазах. Толстый боров, без порток, трясется от страха, что где-то на улице кто-то в кого-то стрелял. Сэмэ стало противно, гадко. Никчема, слюняй, неудачник!

– Я пойду, извини. Мне пора.

Начал он собираться, бубня себе под нос.

– Ну, куда ты собрался? Сейчас набегут полицмейстеры, будут всех останавливать, выяснять, опрашивать. Зачем тебе сейчас там появляться, узнают тебя, завтра уже жена знать будет, где ты ночью был. Ты об этом подумал?

Да, морок, об этом он и не подумал. Он вообще не о чем сейчас не думает, им движет одно желание – убежать поскорее, домой, в знакомый уголок забиться, спрятаться, пересидеть, переждать. Дикий животный страх парализовал его сознание, тисками железными горло сжал, холодом могильным внутри все заполнил, кишки рукою костлявой скрутил, на кулак намотал, в узел связал, кровь в жилах застыла, сердце биться почти перестало.

– Оставайся ночевать здесь, у меня, а утром пойдешь спокойно по своим делам. Да не переживай ты так дополнительной платы я с тебя требовать не буду.

Девушка улыбнулась.

Утро выдалось душное, ветренное. Ветер завывала в отсекателях, установленных на крышах зданий. Натужно вращались лопасти генераторов, противно скрипели подшипники. На базарной площади сегодня было оживленнее, чем за несколько последних месяцев, торговля пошла. Многие, закрытые ранее, магазины и лавки сегодня открылись. Людей тоже добавилось изрядно – город ожил.

Ящер пришел в трактир пораньше, не терпелось ему, дело не идет, время уходит, не любил воин бездействовать. Вчерашняя стычка встряхнула его, что-то внутри переключилось, в режим свой вошел – есть цель, все остальное ничего не значит, не важно, нужно только к цели идти, напролом, смятая все на пути, быстро, выверено, подчиняя все себе или уничтожая. Нос разбитый болит, приятная боль, живая, ничего, что синяки скоро под обоими глазами будут. Ухо правое оцарапано – совсем немного наемник промахнулся.

Вчерашнее недоразумение уладили быстро. Прибывший на место перестрелки патруль сначала, как положено, всех под дулами автоматов разоружил, вдоль стены, выстроил. Руки в стену уперли, ноги широко развели, досмотрели, опрашивать стали, к полицмейстерам конво-

ировать всех собрались. Воин тогда им показал бумагу верительную от Воеводы – успокоились, оружие вернули, извинились. Только двоих наемников забрали, сначала в караулку, манерам хорошим научить и еще раз, на всякий случай, напомнить им правила поведения в городе. Детально напомнить, до каждой части тела донести с помощью резиновых спец средств, память улучшающих.

Принесли завтрак – каша с куском мяса, птица какая-то. Что за запах? Ворона что ли, надеюсь, она не сама издохла. Хлеб и кружка кваса. Так, делаем ставки – откуда появиться вожатый, со второго этажа спуститься или в двери с города войдет. Вчерашний толстяк по лестнице спускается. Глаза заспанные, дикие какие-то, Виолетта за ним. Ого, удивил, так удивил. Так это он что ли вчера с ней всю ночь, откуда силы? Недооценил я его! Девушка Ящера увидела, улыбнулась, поприветствовала, толстяк загнанно обернулся, на него покосился. Да что с ним такое? В двери вышел. Девочка к стойке пошла, с Микой о чем-то говорит. Мика сейчас за стойкой, хозяин отдыхает. Вышибала в сторону воина кивнул, Виолетта обернулась, глаза большие, удивленные, как будто морока за столом увидела. Это он сейчас ей, что про мои вчерашние воспитательные методы работы, среди хамов залетных, рассказывает?

Дверь открылась, вожатый пожаловал. Хмурый, как туча. Это ты зря, в такой прекрасный солнечный день жизни радоваться нужно, она ведь коротка бывает – у наемников вчерашних спроси. Вожатый к стойке пошел, Виолетту поприветствовал, с Микой о чем-то разговаривает. Сюда идет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.